

Ирина ДЕГТЯРЕВА

г. Москва

Луч белого света неуверенно проник в ночную комнату, дрогнул и пополз по старой географической карте, которую Януш повесил здесь, еще учась в школе. Он скосил глаза на кончик сигареты, которую сжимал губами. Оранжевый огонек мерцал в темноте, и сигарета еле слышно шипела, тлея.

Сережка закашлял и заворочался на своей раскладушке. Януш торопливо загасил сигарету. Не хватало, чтобы брат проснулся и побежал жаловаться матери.

Ныло в боку, словно там все еще сидела пуля. Ее, сплюсненную, отмытую спиртом, в белом эмалированном лотке принес медбрат на следующий день после операции. Маленький кусочек металла, который задел легкое Януша и сделал трещину в ребре и ключице, куда от ricoштел от ребра, теперь лежал у Сережки под подушкой. Он выклянчил его в день приезда Януша.

Отчим тоже ее видел. Подержал пулю в руке, покачал головой, поцокал языком, покривил лицо с дряблыми в красных прожилках щеками и, как обычно, предложил обмыть выздоровление. В итоге наобмывался в одиночку на узкой кухне, вечером сидел там пьяненький, с мутными глазами и выслушивал нотации пришедшей с работы матери Януша. Под потолком на веревках колыхалось сушившееся белье, источавшее сладковатый тошнотворный запах стирального порошка. И отчим тоже слегка покачивался, пока не повалился набок, благо сидел на диванчике. Там он спал и сейчас. Доносился его храп, звучный, как из колодца.

Януша это особо не раздражало. Он и сам мог выпить, но без фанатизма. Да и привык к отчиму. Тот воспитывал Януша с пяти лет, когда мать бросил ее польский ухажер, оставивший сыну непривычное русскому уху имя и фамилию Скальба. Отчим гордился, что пасынок — офицер отряда спецназа, и в последнее время все чаще обращался к нему по имени-отчеству.

— Офицер, — пробормотал Януш, ворочаясь на старой продавленной тахте. — Теперь неизвестно...

У него перед глазами стояла окровавленная стена казармы, осколки бутылки и бурый от крови ремешок автомата Калашникова. До стрельбы, к счастью, дело не дошло, но драка

повесть

получилась жестокая, бессмысленная, как большинство драк. И принесла же нелегкая Януша в часть именно в этот день.

Он сбежал из госпиталя, не долежав там неделю, обрадованный словами врача, что ранение не скажется на его дальнейшей службе. Ему бы надо было ехать домой в положенный отпуск, но он решил отметить свое возвращение с сослуживцами, а отпуск перенести на лето. Приехал, и его сразу поставили дежурить.

Ночью он задремал в канцелярии разведгруппы на диване, когда его стал кто-то тормошить.

— Товарищ майор! Там драка около столовой, в коридоре, — тряс Януша за плечо дневальный и кричал испуганным голосом. — У них автомат!

Януш вскочил, даже не почувствовав привычной боли в боку, которая все еще не прошла после операции.

— Дежурный по КПП звонил, — на ходу объяснял дневальный. — Открыть оружейку, товарищ майор?

— Не вздумай и ключи спрячь! — на бегу крикнул Януш, и сразу сбилось дыхание, которое еще не восстановилось полностью.

Он не был дежурным по части, только по отряду, но, раз подняли его, значит, сами не разобрались. Если это в самом деле ЧП, необходимо доложить и командиру отряда, и командиру части. Но лучше бы замать...

Януш едва не упал около входа в столовую, поскользнувшись на схваченной ночным морозцем луже. Влетел в здание. Двери на тугих петлях оглушительно хлопнули за его спиной, как выстрел, заставив его внутренне напрячься. Он еще снизу услышал крики, мат, пьяные голоса и ясно понял, что замать не удастся.

Преодолевав несколько ступеней одним прыжком, чувствуя уже здесь сильный запах водки, что еще больше добавило тревоги. Вбежал в коридор и едва устоял на ногах, запнувшись о чье-то тело. Изловчившись, перепрыгнул. Это был офицер с разбитой головой и без сознания. Януш, быстро взглянув на него, узнал капитана Половчого, замкомандира инженерно-технической роты. Чуть дальше по коридору металась тень дерущихся. Они кого-то пинали на полу. Слышались тошнотворные гулкие удары по ребрам.

Дрались солдаты автомобильной роты. Что

послужило началом, определить теперь было сложно, да Януш и не собирался выяснять. В любом случае водка стала одним из пусковых моментов. Пьяная драка и нарушение дисциплины переросло в преступление после нападения на офицеров. Лежавшего на полу под ногами озверевших солдат Януш опознал как майора Коврова, который как раз и дежурил по части. Тот закрывал голову руками, был сгруппирован, но держался из последних сил.

Януш не выглядел силачом из-за худощавого телосложения. Только широкие плечи и туго обтянутые камуфлированной курткой бицепсы выдавали его тренированность. Правда, операция и несколько недель госпиталя ослабили его. Но солдат, получивший кулаком в ухо и улетевший головой в стену, готов был поручиться, когда придет в себя после нокаута, что майор Скальба вполне восстановился после ранения. В ту же стену улетел и второй дебошир. Но разбушевавшихся парней было много, и они дружно навалились на Януша. О ранении командира разведгруппы они, конечно, слышали, и кто-то со спины ударил Януша по ребрам. Он вскрикнул от острой боли, ощутив, что вместе со сбившимся дыханием вот-вот нахлынет темнота и он потеряет сознание. Тогда забьют до смерти. Он успел увидеть их озверевшие лица, ошалевшие от водки и крови первых двух избитых ими офицеров, расширенные зрачки, потные красные рожи...

Но рожи вдруг разлетелись в разные стороны, как бильярдные шары от мощного удара. Прибежали на подмогу бойцы его группы, кто в чем был: в нижнем белье и в шлепках, кто-то успел натянуть штаны, кто-то свитер, некоторые — берцы, едва завязав шнурки. Это не помешало им размахивать ногами, как на тренировке по рукопашному бою. В противников полетели шлепанцы и ботинки, слетавшие с ног от резких выпадов, впечатывались в спины и головы крепкие пятки ребят. Чьи-то цепкие руки схватили Януша за куртку и выдернули из кучи малы. Он узнал сержанта Вавилова.

— Вы как? — пробасил Вавилов.

Едва дыша от боли, Януш только и смог что слабо кивнуть. Он какое-то время лежал, приходя в себя. А его бойцы в этот момент отметили пьяных солдат так, что в коридоре воцари-

лась тишина. Януш вдруг понял, что слышит лишь свое свистящее надсадное дыхание, и начал подниматься с холодного пола, чувствуя, как близко беда.

— Вы что?! Кто позволил? — захрипел он, увидев свалку из тел.

Сломанные носы, разбитые лица, окровавленная стена, у одного из солдат пробитый череп, и парень, кажется, не дышал. Януш велел привести врача из санчасти и вызвать скорую из госпиталя, а сам начал делать искусственное дыхание солдату с разбитой головой. Он кидался от солдата к капитану Половчому, который тоже был плох, хрипел и то и дело начинал биться в судорогах. Ему сильно повредили голову.

Ночь длилась бесконечно — с приездом скорой, с отмыванием крови в коридоре перед столовой, с экстренным вызовом в часть командира отряда, с криками и матом в адрес Януша, который проспал беспредел.

К шести утра он уже еле стоял на ногах и, дожидаясь прихода командира и предстоящего разноса, впервые после операции закурил, стрельнув сигарету у дневального. Приступ кашля едва не разорвал легкие, но Януш со злым упрямством докурил. Вскочил, увидев командира, входящего в приемную, и его качало от головокружения.

— Так ты еще и пьян, майор?! — побагровел полковник Мишнев.

— Никак нет, товарищ полковник. Это после ранения.

— Не надо мне тут на жалость бить, — он зашел в кабинет, оставив дверь приоткрытой.

Януш нетвердой походкой вошел следом. Он вдруг почувствовал боль в животе, и лицо покрыла испарина.

— Кто тебе не давал уйти в отпуск? — полковник бросил фуражку на стол для совещаний. — А инициатива, как известно, наказуема. Отстраняю тебя до выяснения всех обстоятельств. Что ты глаза закатываешь? Ты что?!

Януш упал во весь рост.

— Помер, что ли? — опешил полковник, склонился над ним, похлопал по колючим от щетины щекам. — Януш! Эй, ты чего? Дежурный! — заорал он. — Врача, живо!

Нашатырь не сразу, но помог. Януш поморгал удивленно и начал подниматься. Его пошаты-

вало, он держался за бок, который дергало и пекло. Полковник с доктором, взяв его под руки, подвели к стулу и усадили.

— Ему в госпиталь, — шепнул доктор. — Его избили, когда он бросился спасать Половчего и Коврова. Половчий в реанимации, но врачи сказали, есть надежда. А вот тот солдат... Его парализовало. Скальба не дал ему умереть, но, боюсь, парень останется инвалидом.

Полковник отмахнулся.

— Спас! Его кто спасать будет? «Стрелочником» сделают. После ранения отправили представление на орден Мужества, а теперь его наверняка продинамят. Януш, ты как? — Он тронул его за плечо.

Януш сидел понурившись. Один орден Мужества у него был. Его уж не отнимут. А вот что будет с дальнейшей службой и будет ли она вообще?

— Формально — дежурил Ковров, но майора Скальбу принесла нелегкая разбираться. За ним подтянулись его бойцы. Поэтому никто не посмотрит на то, что он после тяжелого ранения. А разбор предстоит серьезный. Четверо в госпитале. Двое из них в реанимации. Половчего и Коврова он спас, но подставился сам.

Полковник подошел к столику, где стоял электрический чайник, нажал на кнопку. Кабинет наполнил нарастающий шум закипающего чайника. Мишнев не доверял заварку чая никому. Сразу после окончания училища он служил в Узбекистане, с тех пор процесс чаепития уважал особо.

Он протянул майору стакан с дымившимся чаем. Януш встретился взглядом с командиром и вдруг вспомнил, как они пили чай в другой обстановке, но в том же составе, с доктором, который еще к чаю доставил тогда флакон коричневого стекла со спиртом. Это было двенадцать лет назад. Януш уже два года как воевал разведчиком в звании старшего лейтенанта под началом Мишнева, который тогда командовал разведгруппой.

Палатки на снежной площадке, утопанные вокруг валенками и берцами, трубы буржеек, две струйки дыма от них, уходящие параллельно в бледно-голубое небо. Параллельные пересекаются в бесконечности, но пути спецназовцев с бандой, которую они преследовали

несколько дней, так и не пересекались. Только «удачливый» старлей Скальба провалился под лед озера. Вот командир с доком и отпаивали его кипятком и ледяным спиртом, и еще неизвестно, что было горячее. И то, и другое обожгло горло. Януш, не слишком привычный к такому градусу, быстро захмелел и веселил старших офицеров звонкой икотой и сам смущенно хихикал.

Командир разведгруппы смотрел на молодого старлея, голубоглазого, с высоким открытым лбом, пшеничными волосами и светлыми ресницами, смешливого и словно бы, несмотря на стройность, неуклюжего, и удивлялся, как он вообще попал в спецназ и тем более в разведку.

На следующий день, к вечеру, после длительного марша по снегу и скользким склонам, когда все плохо видели, ослепшие от снега, и плохо соображали от усталости, параллельные линии сошлись не в бесконечности, а на плешивой высоте, с которой ветер сдувал снег.

В тепловизор их было видно. Командир принял решение отправить группу налегке вперед, чтобы устроить на пути боевиков засады и погнать их, как волков, обратно, на основную группу. Иначе преследовать противника можно было до бесконечности. И так уже слишком затянули с погоней.

Но уже когда Януш с бойцами, сбросив рюкзаки, налегке, рискуя свернуть шею, начал спуск с высоты там, где склон был наиболее крут, боевики вдруг сами повернули обратно и вступили в бой. Они занимали более выгодную позицию — на возвышении.

Услышав выстрелы, Януш понял, что засада не понадобится и так как они работали в режиме радиомолчания. Он принял решение не возвращаться, а, воспользовавшись приближавшейся темнотой, напасть на противника с тыла.

Шедшие первыми бойцы основной группы налетели на кинжальный огонь и упали, будто задели невидимую нить — она их согнула пополам и лопнула, и от ее тонкого, неразличимого, словно ультразвук, звона полетел снег с деревьев, со склона. Все легли в сугробы, как скошенные этой неуловимой вибрацией смерти, подстергавшей бойцов на снегу, порозовевшем от закатного света и первой крови...

От Януша шел пар, но руки заledenели, пальцы отекали и не сгибались, после того как пришлось судорожно цепляться за обледенелые уступы, карабкаясь вверх. Еще на подходе к позициям боевиков он слышал, как чеченцы переругивались между собой и на чеченском, и на русском. И понимал, что сейчас будет их убивать, ведь он не хотел, чтобы убили его.

Спецназовцы вылезли молча из темноты и слились на какие-то мгновения с боевиками в таких же камуфляжах. Тех, которые были ближе к обрыву, удалось снять бесшумно с помощью ножа. Но когда один из боевиков вскрикнул, разведчики были обнаружены. Началась драка, слишком близкое расстояние не позволяло применить оружие, да и в крошечной темноте можно было попасть в своих.

Разведчики воспользовались этим преимуществом — десантные ножигодились. Вспышки взрывов и трассеры высвечивали тени противника, Януш преследовал их. Здесь, где он оказался со своими бойцами, был правый фланг боевиков, и разведчики тут активно поработали. Справа и слева раздавались вскрики и возня. Вдруг на Януша навалилось сразу трое. Они его все-таки заметили на фоне снега. Он успел подумать, что зря не надел перед выходом из лагеря маскхалат, хотя тот сковывает движения.

Януш резко вскинул руку с ножом вправо и, судя по булькающему хрипу, попал боевику в горло. Насевшего на него сзади он перекинул через себя и воткнул нож ему в грудь. Третий бросился слева — Януш ощутил движение воздуха, запах табака и ударил ногой. Оттого что нападавший двигался навстречу, сила удара возросла вдвое.

В следующую секунду раздался взрыв, взметнулось пламя совсем близко от Януша. Он полетел от взрывной волны и тяжело плюхнулся спиной в снег. Рука у него закинулась под голову и изогнулась в кисти, он лежал, оглушенный, слышал отдаленную стрельбу, часто моргал и видел звезды перед собой. Януш попытался на них сфокусироваться, его затошнило и вырвало. Он едва смог повернуть голову, чтобы не захлебнуться.

Снег охлаждал разгоряченную шею. Подняться сил еще не было. Януш догадался, как произошел взрыв. Кто-то из его бойцов напал на бое-

вика, когда тот выдернул чеку и собирался бросить гранату. В темноте боец гранаты не увидел, и она, выпав из мертвой уже руки боевика, взорвалась. Рассчитывать на то, что разведчик выжил, не приходилось.

Он так и не смог встать. Его нашли через час, когда Януш совсем ослаб, пытаясь ползти к своим, и обморозил руки. Эвакуировали в госпиталь, и в вертолете он начал уверять, что с ним все в порядке и лучше его отпустить к своим.

— П-пойду в баньку. Отогреюсь, и все будет н-нормалёк, — слегка заикаясь, пытался убедить он доктора и даже сел на брезентовых носилках. Но, чуть повернув голову, увидел на рифленом металлическом полу вертолета трупы своих бойцов — трое из группы, с которой он выдвинулся делать засаду. Среди них — рядовой Ноговицин, изорванный в клочья — именно он подорвался на гранате, случайно оброненной боевиком.

Увидев тела погибших, Януш лег обратно на носилки и наконец позволил поставить себе капельницу. Он притих и лежал какое-то время спокойно. Потом потребовал листок бумаги, чтобы писать представление к награде для Ноговицина. Руки тряслись и от обморожения не слушались. Януш хотел было попросить доктора написать под диктовку, но все поплыло перед глазами — лицо доктора, трупы боевиков, накрытые брезентом так, что виднелись лишь ботинки, с которых стаявал снег, блистер иллюминатора с чернотой за ним... Он отключился и, придя в себя только в госпитале, узнал, что его представили к ордену Мужества, а бойцов к медалям «За отвагу», троих — посмертно.

...Сидя в кабинете полковника, после драки в казарме, Януш подумал, что никто у него не отнимет тот орден, как и воспоминания. Ему часто снились лужицы стаявшего снега на рифленном полу вертолета...

— Вали-ка ты в отпуск, подальше от начальственных глаз, — вздохнул полковник и громко отхлебнул горячего чая. — Попробуем выкрутиться. Где наша не пропадала. Езжай домой, долечивайся.

— Ну как же все-таки, товарищ полковник?..

— Чего ты ждешь? — вспыхнул он. — Что я могу тебе сейчас сказать? Молись, чтобы никто не

скончался в госпитале, иначе дело примет совсем уж скверный оборот. И так-то ничего хорошего. Наломали дров, нечего сказать! Я, конечно, понимаю, любят тебя твои орлы, но если их не останавливать... Машины для убийства.

— Нормальные парни, — нахмурился Януш. — Их только дразнить не стоит. Я такой же.

— В том-то и дело! Я это знаю как никто другой, — полковник бухнул чашку на стол так, что чай расплескался по полированной поверхности. — Поэтому и боюсь, чтобы ты еще не напортачил. Войдешь в раж — разнесешь полгорода. Ты смотри там, с этим поаккуратнее, — он щелкнул себя по горлу характерным жестом. — Пить не умеешь, так и не начинай.

Януш слегка покраснел и переглянулся с доктором. Тот был в курсе того, сколько тогда выпил старлей Скальба и почему. Ему просто, как всегда, не повезло, и он попался в этом состоянии на глаза командиру. Хоть Януш и был мертвецки пьян, он не забыл, какую оплеуху ему отвесил Мишнев. Кто-то шепнул командиру, что Януша так развезло с двух рюмок. Тогда Мишнев и заключил, что Скальба не умеет пить. Он и разбираться не стал, почему это произошло с в общем-то непьющим Янушем.

То письмо Януш до сих пор носил при себе, перекладывал из кителя в камуфляж и ни разу по рассеянности не постирал — он все время о нем помнил.

Письмо ждало его в Ханкале, когда он вернулся из госпиталя после контузии. Януш спешил и, не читая, сунул письмо в карман куртки. Ему нужно было добраться в горный лагерь спецназовцев. В вертолете он вскрыл конверт и с первых строк понял, что письмо от матери рядового Ноговицина. Она сообщила казенным тоном, что медаль ее сыну не дали, хотя родителям двух других погибших уже награды передали. «Наверное, мой сын не заслужил медаль даже собственной смертью?» — спрашивала она в конце короткого послания.

Если бы Януш не летел в вертолете, он в эту же секунду побежал выяснять, что произошло. Еле дождался, когда, закрутив метель лопастями, «вертушка» приземлилась. Сразу бросился к командиру, но тот лишь пожал плечами. Дескать, бывает, напутали что-то в представлении, кадровики исправят и снова пошлют бумаги в наг-

радной отдел. Януш при первой возможности поехал обратно в Ханкалу. Он тешил себя надеждой, что документы уже отправили по новой. Но в прокуренной палатке штаба вместе с дымом витало ощущение скуки и безысходности. Януш это почувствовал и тут же убедился в верности своих догадок.

— Чего тебе, старлей? — с напускной усталостью спросил майор-кадровик в накинутом на плечи бушлате. Под его ногами, обутыми в валенки с галошами, стоял ящик из-под патронов.

— Что с представлением на Ноговицина? — Януш остановился у входа, стряхивая снег с плеч и воротника.

— Ничего, — надул выбритые, с синеватым отливом щеки майор. — Ты бы здесь не трусил куртку...

Янушу хотелось сказать, что «трусить» он будет сейчас самого кадровика, но сдержался, все еще надеясь на положительный исход дела. Командир ведь сказал...

— Мало ли что сказал твой командир, — вздохнув, как ребенку, терпеливо втолковывал майор после объяснений Януша. — Я тебе говорю: вряд ли что выгорит. Нам дали понять, что и так слишком много наград для спецназовцев. Нас не поймут.

— Что за чепуха? Как может быть наград «слишком много»? Вы ошалели тут все, что ли? — громко, с волнением сказал Януш, ошарашенный услышанным.

— Ты тут не ори! — приподнялся за столом майор. — Говорю как есть. А ты что хотел? — Он, успокаиваясь, сел обратно. — Ты еще молодой, тебе простительно верить в мифическую справедливость. Чудик ты, старлей.

— А нельзя меня без награды оставить, а все-таки Ноговицину... его родителям дать?

— Что ты канючишь, офицер? — с ухмылкой он кивнул головой, и очки, которые сидели на лбу, плюхнулись на мясистый нос. Майор, не обращая больше внимания на старлея, углубился в чтение документов, лежащих на столе.

Януш смерил его таким взглядом... Майору повезло, что в этот момент он читал и не встретился глазами с рассвирепевшим разведчиком. Януш набылчился и стремительно вышел из палатки, чтобы не кинуться в драку.

Он зашел сначала к своим. В Ханкале остава-

лась вторая группа, она должна была сменить через неделю первую в горах. Янушу обрадовались и налили... Первые две бутылки он еще помнил и понимал, что происходит. Дальше время для него шло обрывками, когда Януш на короткое время приходил в себя. Серый стол, обитый пластиком, с лужицей пролитого чая на поверхности и высосанной долькой лимона... Полки в бане и шуршащий березовый веник на разгоряченном лице... Синий выгоревший забор и пустая бутылка на снегу с желтыми пятнами... Хохочущие рожки, рифленый металлический пол вертолета, вибрирующий под щекой, и четкая мысль, что он погиб так же, как его бойцы...

Януша в шутку отвезли в горный лагерь почти в бессознательном состоянии. К счастью, «вертушку» встречал доктор. Он спрятал пьяного старлея в своей части палатки, оборудованной под медпункт.

Чуть протрезвев, Януш подлил в свой организм спирта, обнаруженного в ящике под раскладушкой доктора. Он плохо соображал, но ему хотелось напрочь забыться. Не умереть, нет, инстинкт самосохранения у него работал всегда исправно, без сбоев. Он просто сейчас не хотел ни слышать, ни видеть, ни чувствовать. Но спирт на него всего лишь подействовал расслабляюще и успокаивающе. Полежав, Януш вскочил, шатаясь, выбрался из палатки и сразу же наткнулся на командира...

* * *

Януш повернулся лицом к стене. От ветхого ковра пахло кошкой. Мать постоянно держала кошек. Нынешняя Муська была уже третьей на памяти Януша. На маленьком застекленном балконе всегда держали открытой небольшую форточку, через которую кошка выпрыгивала на улицу и возвращалась, благо квартира располагалась на первом этаже. Отчасти именно поэтому мать заводила кошек — из подвала в квартиру норовили пролезть крысы, а Муська, как и ее предшественницы, лихо их давила и складывала трофеи на трюмо в коридоре.

Сейчас Януш, погруженный в мысли по поводу дальнейшей службы, страдал от неизвест-

ности и невозможности действовать. Он чувствовал себя беспомощным, и боли в боку, возникающие то и дело, не добавляли оптимизма. Он был настолько напряжен, что, когда Муська вскочила к нему на кровать, вернувшись с ночной охоты, он чуть не закричал. Выматерился шепотом, хотел было вышвырнуть кошку, но Муська подхалимски и безошибочно пристроилась к нему на раненый бок. Особенное живое тепло стало растекаться по всему телу Януша. Он улыбнулся, прислушался к негромкому урчанию Муськи и прошептал:

— Ты тоже крыс давишь? Только мои с автоматами, гранатами и двуногие. Драка один на один — зубами и когтями? — Он на ощупь нашел кошачью морду и пощекотал шелковистый подбородок. Муська лизнула его палец и заурчала в другой тональности.

Он наконец уснул. Сон был недолгий. Его разбудило фальшивое тонкоголосое пение и сильный запах кошки. Муська переместилась с его бока и устроила свою морду на подушке перед лицом Януша. Отплевываясь от кошачьей шерсти, он метнул тапочек в поющего маленького брата.

Двенадцатилетний Сережка, мелкий, тощий и озорной, петь не умел, но любил. Он ловко увернулся от тапка и продолжил завывать какую-то популярную песенку. Януш потянулся с улыбкой:

— Мать на работе?

— Угу. Она сказала, чтобы ты поел бутерброды с сыром. И что тебе звонил Славка.

— Какой он тебе Славка? — сердито покосился на брата Януш.

— Мама его так назвала. Что ты цепляешься?

— Побольше уважения! — Януш на правах старшего брата напустил строгости. — Что Славка хотел?

— Чтобы ты позвонил, — неохотно ответил Сережка. Он выглядел так, словно собирался сказать гадость, но благоразумно сдержался и продолжил упражнения по вокалу, расставляя солдатиков на подоконнике между горшками с кактусами и столетником.

— Что там у тебя? Наступление? — смягчил тон Януш, заглядывая через плечо брата.

— Засада. Видишь? Зеленый отряд сидит за аспарагусом. А красный идет по тропе.

— Ты вот этого, — Януш взял зеленого солдатика с винтовкой, — посади за кактусом со снайперкой, а этого, — он переставил второго солдатика, — поставь тут, он должен устроить подрыв, тогда красные не смогут отступить, а снайпер их перещелкает по одному. — Януш одного за другим уложил красных солдатиков на спины.

— Тебе их не жалко? — Сережка повернул к нему лицо, курносое, скуластое, с большими зелеными глазами.

— Они же солдаты и враги.

— Мне больше нравится, когда они в честном бою, один на один. Я их подкидываю, и кто из них упадет лицом вниз, тот проиграл.

Сережка еще что-то говорил, но Януш думал о том, чья рука его самого подкидывала уже четырнадцать лет и он, падая, до сих пор ухитрялся, как Муська, приземляться на лапы. Удастся ли теперь выкрутиться?

— Ты меня не слушаешь, — обиженно засопел Сережка.

— Все нормально, Серёня, — Януш потрепал его по голове и пошел в кухню.

Там похрапывал отчим. Ему на работу в ночную смену. Алкоголь к тому времени выветрится... Януш поднял сползшее на пол синее тяжелое ватное одеяло и укрыл отчима.

— А, сынок... — он еле шевелил пересохшими губами. — Дай водички.

Януш подал ему стакан воды и посмеялся, глядя, как отчим жадно пьет.

— Тебе мать вечером задаст.

— А я пораньше на работу уйду. Завтра она остынет.

— Она завтра найдет новый повод, за что тебя повоспитывать, — Януш копался в ворохе рецептов и блистеров с таблетками на холодильнике. — Бать, где твои сигареты?

— Я-то думаю, кто у меня сигареты таскает. Хотел Сережку за воровство взгреть. А это ты по старой привычке. — Он потянулся к висевшему на стуле пиджаку и достал пачку сигарет. — Вообще-то тебе нельзя. Наверное...

— Наверное, можно, — улыбнулся Януш, забирая у него сигареты. — Там в холодильнике бутерброды с сыром и банка огурцов. Запей рассольчиком.

— Что бы я без тебя делал, сынок? — отчим

откинулся на подушку и вытер ладонью заслезились глаза.

Януш сунул сигарету в рот, влез в старенькую куртку и вышел на улицу. Дул студеный ветер, воздух чистый, с привкусом близкого снегопада. Дворник с тоской на смуглом узбекском лице шуршал метлой и опавшими листьями.

Поежившись, Януш попытался запихнуть обратно вылезший из прожженной на рукаве дырки белый клочок синтепона. Он пожалел, что из суверенности не взял домой из комнаты в общежитии хорошую кожаную куртку. Ему казалось, если он оставит там вещи, его не выгонят.

Януш услышал стук по стеклу и обернулся. Сережка в окно строил ему смешные рожи, а солдатики, зеленые и красные, так и стояли на вытяжку между цветочными горшками в ожидании, когда полководец бросит их в бой.

В ближайшем ларьке Януш купил хотдог. В маленьком городке торговцы едой особо не мухлевали. Все на виду, все друг друга знают. Правда, Януш года два назад отравился и все-таки набил физиономию хозяину ларька.

Он ел на ходу и облился кетчупом, что еще больше испортило настроение. Но Януш торопился. Если Славка объявился, значит, у него завелись деньги и надо спешить, чтобы он не успел их спустить. Славка Водопьянов пьян бывал часто, но вовсе не от воды, как общала его фамилия. Однако на работе он не злоупотреблял и ухитрялся так мастерски приводить себя в порядок после попойки, что у начальства числился добропорядочным человеком и ценным работником.

Здание цирка находилось в низине и возникло словно из-под земли. Круглое, с облупившимися бежевыми стенами, колоннами у входа и с афишами слева от колонн — яркими, свежими, зазывавшими на новую программу.

Площадь перед цирком была пустынная, рыжая от нападавших за ночь листьев. С трудом верилось, что это место оживает по вечерам, площадь заполняют люди с детьми, цирк освещают яркие огни, музыка, звучащая во время представления, слышна и снаружи. В детстве Януш любил ходить сюда вместе со Славкой. А потом Славка стал тут работать, провалив экзамены в эстрадно-цирковое училище. Он убирал за лошадьми, слонами и другой крупной рога-

той, копытной, двугорбой живностью и в свободное от работы время запивал водкой свои нереализованные амбиции. Он брал в долг, якобы планируя создавать свою программу, нанимать артистов и заказывать изготовление реквизита и костюмов. Вначале он и правда пытался вести переговоры с артистами, сыпал направо и налево идеями и готовыми сценариями будущих номеров. Но пыл его очень быстро угасал, и деньги спускались на выпивку. Януш его жалел по старой памяти о школьной дружбе, периодически бывая в городке в отпусках, давал ему деньги на его мифические проекты, а в следующий приезд «выбивал» долг.

У служебного входа стояла «газель», цельнометаллическая, то есть без окон в задней части, на ее белых бортах были наклеены афиши.

Коридор, в котором очутился Януш, показался совсем темным после дневного света, и Януш тут же налетел на железный ящик. Бормоча ругательства, он выждал, когда глаза привыкнут к полумраку, и двинулся дальше. Первым, кого он увидел, был здоровенный парень в синем комбинезоне, поверх которого была накинута дубленка. Он стремительно шел к выходу.

— Послушай, где Водопьянова найти в ваших лабиринтах? — Януш придержал его за рукав.

Тот взглянул на Януша ошалело, словно увидел призрака. Взгляд его прояснился, в нем блеснула мысль.

— А-а, на конюшне поищи!

Он выбежал, хлопнув дверью. Януш оглянулся и пожал плечами. Коридор привел его к металлической лестнице. Года два назад Януш был в цирке у Славки, но плохо запомнил переходы и полутемные коридоры. Эту лестницу он точно не помнил, но поднялся по ней. В очередной коридор выходили двери. Из-за некоторых доносятся голоса, но из-за одной раздался возмущенный женский крик:

— Как он мог?! Срывать номер, контракт!

Далее голос виртуозно матерился.

Дверь приоткрылась от неожиданного удара, и в коридор вылетела женская туфля. Невольно Януш заглянул внутрь. Посредине небольшой комнаты стояла невысокая девушка, очень худенькая и почти обнаженная. Из одежды на ней были только ярко-синие лосины. Она разговаривала по мобильному телефо-

ну и стояла боком к двери. У Януша перехватило дыхание от неожиданности. Лица девушки он не видел — его прикрывали черные до плеч волосы. Зато все остальное удалось разглядеть детально. Спихотившись, что она сейчас повернется и увидит его, Януш отшатнулся от двери и ускорил шаг. Он почти бегом достиг конца коридора, повернул за угол, остановился и отер вмиг вспотевший лоб. Снял куртку, оставшись в черной водолазке.

Девиц на своем веку он уже повидал, но в большинстве случаев Януш в отношениях с противоположным полом оставался пассивным потребителем женского внимания и женских ласк. Ему не приходилось ухаживать, тратить деньги и энергию. Из-за службы у него и времени особо на это не было, поэтому к нему в постель попадали поварихи, медсестры, связистки... Среди них встречались симпатичные, но в основном не Афродиты и не Венеры, озабоченные своими детьми, разводами и престарелыми родителями.

Периодически Януш осознавал, что он достоин лучшего. Обычно это происходило после того, как он видел красивую женщину. Но, поскольку такие дамы его не замечали, запала на поиск лучшей Янушу хватало ненадолго. Ему было лень охотиться за неведомым журавлем в небе, когда под боком, уже нахохлившись, сидела теплая, уютная синица с кастрюлей вкусного борща и без особых запросов, а за дверью стояла очередь из похожих синиц, терпеливо ожидавших, когда Януш обратит на них внимание, и тогда они делали все сами — и за него, и за себя.

Вид полюбленной красавицы в гримерной вызвал у него знакомую тоску о несбыточном. И он сорвал зло на Водопьянове, которого наконец нашел около выхода на арену.

Славка подметал пол, когда раздраженный Януш хлопнул его ладонью по спине.

— Деньги гони!

— А поздороваться? — засмеялся большеротый и лопухий Водопьянов.

— Ну, чисто клоун! — не сдержал улыбку Януш. — Давай присядем.

Они вышли в зал и сели в первом ряду. Манеж был плохо освещен и пуст. Сильно пахло лошадиной мочой и откуда-то жареной картошкой.

— Ты как? — Славка заглянул ему в лицо своими ясными голубыми глазами. Он так смотрел и в школе, когда жаждал списать контрольную по алгебре. — Слышал, ты был ранен.

— Нормально все... Зубы мне не заговаривай. Деньги гони.

— Ожесточился ты в своей армии, — вздохнул друг, полез в карман, но, когда вынул оттуда руку, она была пуста. — Тебе что, трудно подождать еще месячишко? Я только начал раскручиваться.

— Закрутись обратно, — безразлично посоветовал Януш, будто заскучав. Он понял, что денег у Славки уже нет и требовать их — дело безнадёжное.

Славка в подтверждение его догадки молчал и шумно сопел, то ли изображая обиду, то ли имитируя чувство вины.

Черная водолазка на Януше была старенькая, мать ее купила два года назад, и он из нее слегка вырос, раздавшись в плечах. Пользуясь тем, что мышцы рельефно проступают под черной тканью, Януш поднялся со своего места, поднатянул их и навис над сидящим Славкой, затем кулаком вдарил в деревянную спинку кресла со свирепым выражением лица. Любой другой испугался бы, но не Славка. Он засмеялся.

— Я всегда был здоровее и поколачивал тебя в школе, — он шуточно ткнул Януша кулаком, ожидая наткнуться на крепкий пресс.

Но Януш вдруг побледнел и, скривившись от боли, сел.

— Что? — Славка испуганно приобнял его. — Ну, я же не знал...

— Ты еще заплачь и скажи, что больше не будешь, — усмехнулся Януш. — Деньги лучше верни.

— Да верну, верну. Когда я не возвращал? Ну что ты на меня так смотришь? Один раз всего не вернул. Ты же тогда простил...

— Иди ты, — устало отмахнулся Януш. Он хотел что-то добавить, но замер, глядя на манеж.

Мягко ступая, туда вышла та самая девушка, только теперь на ней, кроме синих лосин, была и бледно-голубая футболка. Оглядываясь, девушка кого-то искала. Заметив Водопьянова и Януша, она подошла.

— Слав, ты не видел Стаса? Неужели этот гад в самом деле сбежал?

Она поставила ногу на бортик и облокотилась на колено. Девушка не кокетничала, вела себя свободно, да она слишком была расстроена, чтобы думать о том, как выглядит. И тем не менее поза выгодно подчеркивала ее гибкость и миниатюрность. Януш заметил, что у нее чуть раскосые глаза. «Нерусская вроде», — подумал он, чувствуя, как завораживает ее лицо, узкое, слегка загорелое, такого оттенка, как бывает старинная бумага. Учитывая ее монголоидный разрез глаз, на этом свитке могли быть начертаны только иероглифы. У Януша возникло желание поднапрячься, изучить и прочесть таинственные письмена. Может, они адресованы ему? Уголки губ у нее опустились. Она собиралась заплакать, во всяком случае так показалось Янушу. Ему хотелось видеть ее слабой и нежной.

— Тоня, да ты не заморачивайся! — подал голос Славка. — У тебя же есть воздушный номер. Найдешь партнера и восстановишь свой номер с вольтижной акробатикой.

— Шутишь? Одно дело — в номере с семьей Филипповых в качестве девочки на подхвате, другое — свой номер. Ты знаешь Филиппова-старшего. Кто скажет, что ему завтра в голову взбредет? Турнёт меня, и все. Директор сказал, что если через месяц моя программа не будет готова, то он не даст мне ее готовить. Он считает, если я жажду самостоятельности, то партнера из-под земли достану. Кому такое золото, как я, нужно?

— Мне! — вклинился в разговор Януш.

Она поняла это по-своему. Взглянула на его торс, обтянутый тесной водолазкой, затем на лицо с недоумением:

— Почему я тебя не знаю? Ты сегодня приехал? У тебя свой номер?

— Нет, — Януш незаметно толкнул Славку в бок, когда тот открыл было рот.

Тоня вскинула черную тонкую бровь, и у нее на лбу появилась морщинка, напоминавшая галочку, такую, как рисуют дети, изображая птиц в небе. При этом ее лицо приобрело задумчивое выражение.

— Выйди-ка сюда, — она изящным пальчиком указала на манеж рядом с собой.

Разговаривая, она много жестикулировала и все время левой рукой, из чего Януш сделал вывод, что она левша.

Он встал рядом. На его фоне она выглядела девочкой-подростком. Тоня его разглядывала бесцеремонно, а он с любопытством наблюдал за этими смотринами с высоты своего роста. Глядел на белокожий пробор на ее голове, и эта узкая полоска кожи между прядками волос вызвала в нем почему-то чувство жалости к ней. Он никогда не испытывал ничего похожего по отношению к женщинам, а теперь замер, боясь вспугнуть это щемящее чувство.

— Какой у тебя рост и вес? — будто прицениваясь, спросила она.

Ему не понравился такой примитивный подход к выбору мужчины, но он покладисто ответил:

— Рост — сто восемьдесят, вес — около восьмидесяти.

Она чему-то обрадовалась. И продолжила опрос:

— Как тебя зовут?

— Януш.

— Ты что, поляк? — Тоня снова приподняла бровь

— Наполовину.

— Правую или левую?.. Не обращай внимания, я так шучу. Повернись спиной.

Она с интересом изучала его позвоночник, пробегая по нему быстрыми ловкими пальцами.

— Что ты там ищешь? — не удержался Януш, чувствуя, как от ее пальцев по нему пошли мурашки.

— Изгиб позвоночника. Но у тебя его нет. Подними руки. А теперь разведи их в стороны. Затяжки плеч у тебя тоже нет, и локти хорошо выпрямляются.

— А зубы будешь смотреть? — с легкой обидой в голосе спросил он.

— Не смешно. Имей в виду. Я тебе удрать в чужой номер не дам. Хватит с меня Стаса. Акробатикой когда-нибудь занимался?

Януш быстро взглянул на Славку — тот сидел обалдевший от всего происходящего, но довольный, что друг отвлекся от разговоров о денежном долге.

— Акробатикой?.. Спортивной гимнастикой в юности немного.

— Немного? — она окинула взглядом его фигуру. — А чем ты тогда занимался?

— Стрелял, ножи метал.

— Стрелял? — переспросила Тоня. — Из арбалета? Ох уж эти робингудовские номера. У тебя небось ассистентка в кожаных обтягивающих штанах была?

— Это личное. Я же не спрашиваю, кто такой этот Стас.

Она улыбнулась и взглянула на него по-другому. Не как на объект, подходящий только для циркового номера.

— Шутник, да? Через час чтобы был здесь, в спортивной форме. Посмотрим, на что ты годишься.

Тоня быстрым легким шагом ушла с арены, не оглядываясь на него.

— Ян, ты спятил? Какие репетиции? — Славка вскочил с места. — Ты же не артист. Ты никогда не занимался акробатикой. Ты ее угробишь и сам травмируешься. Тем более ты после ранения.

— Вот ты меня и просветишь, что и как.

— Ты спятил, — теперь уверенно заявил Славка. — Я ей все скажу.

— Понравилась она мне. Можешь ты понять? Как ее зовут? Тоня?

— Антонина Ким.

— Корейнка, что ли?

Славка не ответил, сел на бортик и покачал головой.

— Как ты выкручиваться будешь? Она девича горячая. Когда узнает правду, в тебя полетят тяжелые предметы.

— Ничего, справлюсь. Кто этот Стас? Только партнер или...

— Или. Другую нашел — вот и свалил. У той связи в руководстве управления цирками.

— Какой невероятный блат!

— Зря иронизируешь, — с укором посмотрел на него Славка. — Это важно...

— Почему она меня лапала?

Славка засмеялся.

— Не выдавай желаемое за действительное. Она смотрела, подойдешь ли ты ей для нижнего... Давай только без похабных шуточек. Здесь это не оценят.

— Какой ты важный, — покачал головой Януш и добавил уничижительно, — когда трезвый...

— Я ведь и обидеться могу, — неуверенно напомнил Славка.

— Не стоит. Лучше расскажи, что она от меня хочет.

— Репетировать. Сделать номер и выступать. Интересно, как ты собираешься совмещать службу в спецназе с выступлениями в цирке? А еще говорят, кто в армии служил, тот в цирке не смеется... Отпуск у тебя скоро закончится.

Януш подумал, что может и вовсе остаться без работы. Как бы и под суд не попасть.

— Вяжемся в бой, а там посмотрим.

— Ты ее обманешь, выступать в итоге не захочешь. Она тебе этого не простит.

— Так что она мне предложила? Акробатику?

— Вольтижную. Это партерная акробатика, — ехидно уточнил Славка.

— Теперь намного понятнее, — кивнул Януш.

— Особенно — уточнение о партере.

— Имеется в виду — на земле. Скажи спасибо, что не воздушная акробатика. Она ведь еще участвует в номере Филипповых...

— Так что делать надо? Ты скажешь, в конце концов? — Януш достал сигареты.

— Тут нельзя курить, — Славка испуганно оглянулся и начал объяснять суть номера. — Ты должен будешь стоять на земле и, если можно так выразиться, жонглировать партнершей. Подкидывать ее, ловить после прыжков. Она будет стоять у тебя на плечах, руках, на коленях и на голове, при этом принимая красивые позы, а ты должен балансировать ее телом.

— Это мне нравится, — ухмыльнулся довольный Януш.

— Похотливый ты тип, Ян! — покачал головой Славка. — Только тебе будет не до того. При всей ее subtilности она весит килограммов пятьдесят. После прыжка она будет приходить тебе в руки будто в два раза тяжелее. Этакая живая гиря, которая двигается! А если баланс немного сместится, ты связки потянешь или порвешь. Так-то... Или кости переломашь, — почему-то с удовольствием добавил он.

— Очень заманчиво, что она будет «приходить ко мне в руки», — уточнил Януш, впечатленный такой перспективой.

— Это понятие такое, акробатическое, а не то, что ты подумал.

— Прощу тебе долг, если сможешь мне не сыпаться... Хотя бы пару-тройку дней, — деловито выдал Януш.

— Втюрился, — констатировал Славка. — У меня будут неприятности из-за тебя.

Но приятель его будто не услышал.

— Домой я не успею, — вслух прикинул Януш.

— У тебя есть во что переодеться?

— В этом ты похож на Никулина. Слава, подстрахуешь? — Тоня пристегнула к своему поясу лонжу — страховочный трос, другой конец которого взял в руки Водопьянов. — Мне еще вечером выступать. Ты размялся?

Януш кивнул, испытывая волнение. У него чуть дрожали руки. Он понимал, что начать ухаживать можно было и более безопасным способом.

— Что это от тебя табаком пахнет? — строго спросила Тоня, принюхавшись. — Чтобы больше этого не было. Никаких сигарет. — Она показала ему кулак. — Начнем с простого. Надо, чтобы ты научился взаимодействовать с партнером, то бишь со мной. Ложись на спину. Давай живей. Нам манеж дали всего на час. Согни ноги в коленях, руки вытяни, упирайся мне в плечи.

Неуловимым движением она вдруг оказалась вниз головой. Януш упирался ей в плечи, а руками она придерживалась за его колени. Он не мог поверить, что держит ее, потому что веса Тони почти не ощущал. Она, оставаясь вниз головой, сделала шпагат и снова вытянула ноги в струнку.

— Сейчас отпущу руки, попробуй удержать меня.

И это с трудом, но удалось Янушу.

— Носки тяни, — велела она сверху.

— Я же не балерина, — пропыхтел он.

— Учись... Я сейчас спущусь через мостик. Держи меня, а потом слегка подтолкни.

Тоня изогнулась в спине и после его толчка оказалась на манеже. Тут же подбежала к ногам Януша и, крепко нажав на его ступни, заставила тянуть носки. Он едва сдержался, чтобы не вскрикнуть от боли и крепко выругаться.

— Теперь встань. Сделай выпад на одну ногу и согни ее в колене, другую держи прямо и упирайся ею в пол. Руки прямые — одну назад, другую вверх. И стой ровно. Я сделаю арабеск у тебя на бедре.

Она вскочила на его согнутую в колене ногу и,

стоя к нему спиной, подняла руки и одну ногу, чуть согнув ее в колене, затем так же, стоя на одной ноге, сделала боковой шпагат.

Януш качнулся, засмотревшись, да и ноге было больно. Тоня упала бы, если бы Славка не натянул лонжу.

— Я же сказала — ровно! Еще раз.

Она сделала арабеск и шпагат снова. Затем встала на руки с опорой на его колени, заставив его держать ее за талию и находиться в таком положении, словно он сидит, но под ним нет стула.

Через двадцать минут у него болели все мышцы и ноги слегка подрагивали. Не отвлекали даже другие артисты, которые репетировали рядом, — жонглер и трое гимнастов.

— Садись на пол, ноги раздвинь для устойчивости. — Энергия Тони не иссякала. — Поддерживай меня за икры руками. Спину прямо! — крикнула она, уже взобравшись к нему на плечи. — Голову не вытягивай! Расслабь плечи, опусти их, не зажимай! — Тоня вздохнула обреченно, и последовала ее очередная команда: — Опусти меня, ты синяки мне на икрах поставил. Неумеха!

Она прыгнула и дала Янушу крепкий подзатыльник. Он опешил.

— Что ты на меня уставился? Я же тебе говорила: «Держи спину ровно и расслабь плечи!» Еще раз.

Он хотел было ей сказать, что устал, но она снова вскочила ему на плечи и теперь не казалась такой легкой, как вначале. У него сбилось дыхание от напряжения в спине и животе. Заболел бок. Он хотел уже отказаться от задуманного, но, к счастью, их время вышло. Пришли артисты, которым для репетиции требовался весь манеж. На арену выбежали пудели. Они так носились, что сложно было сосчитать, сколько их прыгает и лаает вокруг девушки-дрессировщицы.

Януш добрался до первого ряда и сел. Ощущение, будто по нему только что проехал БТР, только усиливалось. К нему все такой же легкой походкой подошла Тоня, накинула ему на шею небольшое махровое полотенце и улыбнулась:

— Все не так плохо, как я ожидала. Ты крепенький. С гибкостью не очень, но в твоей мужиковатости и грубости есть даже некий

шарм. Меня волнует стойка ногами на твоих плечах. Мы в следующий раз это попробуем, потренируем выходы в плечи с разных позиций. Если и это осилишь — надежда есть. — Она шлепнула его ладошкой по спине. — Ты где остановился? В общежитии?

— Вообще-то, я местный.

— Да? — слегка удивилась она. — Завтра приходи в это же время, не опаздывай.

— А что мне за это будет?

— Я тебя не накажу, — почти серьезно ответила Тоня, забрала полотенце и упорхнула в темный коридор.

— Что происходит? — Славка был растерян. — Ты всерьез решил выступать в цирке? — в голову ему прозвучали нотки ревности.

Януш пожал плечами и поморщился. С непривычки у него болело все, даже пальцы на ногах. Но он улыбался. Прихрамывая, брел домой, загребая опавшие листья ногами, и улыбался. Еще утром он уныло смотрел на предстоящий день, ожидая неприятностей. И вдруг — тонкая девичья фигурка в раме дверного проема в неверном освещении, ее касания, легкое тело и даже подзатыльник. Слово вихрь ворвался в долго оставшуюся закрытой комнату...

Под душем в маленькой ванной комнате, завешанной выстиранным бельем, Януш проторчал целый час, пытаясь реанимировать ноющие мышцы. Он еще плохо восстановился после госпиталя, да и от упражнений на гибкость его тело отвыкло.

Мать отличалась чистоплотностью. Все время что-то мыла и стирала, завесив бельем и ванную, и кухню. Януш сдвинул вещи на веревке в сторону. При этом ему на голову упали деревянные щипцы устрашающего вида, которыми мать ворочала в большой кастрюле кипятившееся белье. Недавно Януш купил матери современную стиральную машинку. Она накрыла ее кружевной салфеткой, включала по большим праздникам и продолжала кипятить белье по старинке, наполняя квартиру удушливым запахом вареных тряпок.

Перед выходом из цирка Славка сунул Янушу потрепанную книжку.

— Пока ты переодевался, я в нашу библиотеку сбегал, — пояснил он. — Завтра к вашим репети-

циям Степан Иванович подключится. Его вокруг пальца не проведешь. Он сразу поймет, что ты дилетант в цирковом деле.

— Какой еще Степан Иванович?

— Тренер по акробатике. Он сегодня вечером приезжает. Должен был репетировать с Тоней и Стасом, готовить номер. Теперь партнер — ты...

Учебник по вольтижной акробатике лежал на стиральной машине, и Януш сердито поглядывал на него из-за прозрачной шторки, усеянной каплями воды, брызгавшей из душа. Он успел прочесть введение, узнав, что вольтижная акробатика возникла в первой половине двадцатого века и сначала называли ее хандвольтиж от слияния двух слов — французского и немецкого, которые переводились как «наука» и «порхать».

Не то что порхать, Януш из ванны вылез с трудом. Тоня нажала на его ступни с такой недюжинной силой, что теперь малейшее движение приносило ему боль.

Полночи Януш штудировал учебник. Кое-что ему было знакомо из спортивной гимнастики. В училище он уже бросил тренировки и много лет не делал никаких сальто, не садился на шпагат и даже от нечего делать не ходил на руках. Собственно, сейчас от него это и не требовалось. Только держать на плечах Тонию, подкидывать ее и ловить. Порхать в воздухе должна она.

Януш накинул футболку на лампу, стоящую на письменном столе, и читал.

— Чем ты занимаешься? — заворчал проснувшийся в полночь Сережка. — Я спать хочу.

— Носом к стенке и спи, — раздраженно шепнул Януш и через плечо показал брату кулак.

— Я маме скажу... — неуверенно промямлил он.

— Риски здоровьем, — Януш перевернул очередную страницу.

Сережка обиженно засопел и уснул. Януш чувствовал себя как в училищные времена перед экзаменами. Лихорадочные ночные бдения с учебниками в обнимку и запихивание шпаргалок в подкладку формы, в карманы, за подворотнички, в сапоги, так что утром, одевшись, курсанты шуршали, как человечки-оригами. Сейчас прятать подсказки было некуда и бессмысленно. С партнершей на руках можно заглядывать только ей под юбку. Но синие лосины Тони он и так видел.

Оставшуюся часть ночи ему снились схемы из учебника и крутили в голове пируэты термины — фордершпрунг, каприоль и иже с ними.

Проснулся Януш по армейской привычке еще в сумерках, с трудом от боли в мышцах поднялся, влез в спортивный костюм и кроссовки. И побежал...

Мимо старой школы, где когда-то учился. Через гулкий деревянный пешеходный мост, под которым в резиновой лодке сидел рыбак, погрозивший кулаком вслед нашумевшему Янушу. Мимо завода. Через парк со скользкими дорожками и подмерзшими хрустящими лужами.

Бег для него был привычным занятием и не слишком утомительным. Только слегка ломило в раненом боку от студеного воздуха, пропитанного отдушками опавшей прелой листвы, речного ила и свежего хлеба, который пекли ночью в старой, еще дореволюционной пекарне.

Он бежал и думал, что совершает безрассудство: обманывает Тоню, отнимает у нее время, ведь артистом и ее партнером он не станет. Губы Януша расплозились в непроизвольной улыбке. Ему нравилось быть эгоистом. Не так часто он позволял себе это делать — долг, ответственность, помощь семье, боязнь обидеть кого-нибудь — все это копилось, как бесполезные для него самого вещи в кладовке. Когда-то казались нужными и важными, а теперь немодные, поднадоевшие, но привычные, пустившие корни в его образ жизни. Ему все больше думалось, что о нем самом никто позаботиться не готов: ни родственники, ни друзья-сослуживцы. Он особенно остро почувствовал вакуум вокруг себя, когда лежал в госпитале. К нему так никто и не пришел. Оправдания для непришедших были — мать с отчимом не отпустили с работы, ребята из разведгруппы оставались в командировке в Чечне. Он лежал в палате, все время поглядывая на дверь, но никого не дождался.

Теперь он боялся заболеть и остаться наедине с беспомощностью и болезнью. Ему хотелось проявить такую же безответственность по отношению к другим.

«Пусть каждый думает о себе сам, как я», — думал он, перебегая по бетонному мосту, еще одному, который пересекал реку в километре от деревянного старого мостика.

Ему хотелось понравиться Тоне. Он вел себя как в школе, когда дергал за косичку понравившуюся девочку. Если симпатия будет взаимной — она промолчит, стерпит...

Около дома, на спортивной площадке с тронутыми ржавчиной брусьями и турником, Януш подтянулся пару десятков раз, сделал подъем-переворот, выход наверх силой. Почувствовав знакомую ломоту в плечах, поотжимался на брусках и, довольный разминкой, вернулся домой, думая с усмешкой, что все же долго обманывать Тоню не сможет.

«Хотя почему обманывать? — рассердился он на себя. — Уволят меня, а я уже считай на другую работу устроился».

Еще с лестницы он услышал рев. Завывал Сережка. Януш решил, что брату за что-нибудь попало, но собак спустили на Януша, едва он открыл входную дверь.

— Явился! — вскрикнула мать, держа в руках какую-то тряпку. — Долго думал?! Футболку на лампу положить. Ты ее сжег! Пожар мог устроить. Взрослый мужик, а ума нет.

— Ма! — Януш виновато моргнул и показал глазами на Сережку, мол, не стоит отчитывать его перед младшим братом.

— Распустились! — бушевала мать. — Вот теперь покупай ему новую, а то он весь изрыдался.

— Бей его, бей, я его знаю, — подал насмешливый голос отчим из туалета. Оттуда из-под двери струился сигаретный дым.

— Да куплю я, куплю!

— Он еще мне ночью спать не дает, — подлил масла в огонь Сережка, прячась за матерью.

— Доносчику — первый кнут, — снова подал голос отчим.

— А ты вылезай оттуда, курилка! — взялась мать и за него.

Януш отмахнулся от них всех и заперся в ванной. Приняв душ и позавтракав, он ушел в цирк.

— Ну где ты ходишь? — напустилась на него Тоня, как только он появился на манеже.

— Я вовремя, — глянул на часы Януш.

— Иваныч уже здесь. Пошли на репетиционную арену. Быстро разомнешься, повторим перед ним наши вчерашние потуги и посмотрим, что он скажет.

Тоня была в темно-синем коротком махровом халатике поверх знакомых Янушу лосин и футболки. Она проворно пронеслась по коридорам цирка, Януш за ней еле поспевал. Они очутились на арене, практически полностью дублировавшей манеж. Там их на откидном стуле у стены ожидал их Иваныч — мужичок с белыми полосами на брючинах и рукавах, с широкой шеей и крепкими широкими плечами. Наверняка он нижним был. Иваныч окинул Януша скептическим взглядом, но подошел и пожал ему руку.

— Степан, — представился он.

— Януш.

— Поляк, что ли? — нахмурился Иваныч. Лицо у него было круглое, розовое, с широким с залысинами лбом и водянисто-голубыми прищуренными глазами с красноватыми белками.

— Наполовину, — ответила за него Тоня.

В зале занималось много артистов. Разминались, растягивались. Януш вспомнил свои навыки из спортивной гимнастики и разминался, используя турник в углу зала, гантели и гири, чувствуя все время на себе скептический взгляд Иваныча.

Иваныч сам держал лонжу, пока Януш с Тоней показывали вчерашние наработки. После чтения учебника Януш яснее понимал, что от него требуется, и замечаний со стороны Тони не слышал.

— Ну, это все детский сад, — заключил Иваныч. — Ты понимаешь, что его фактически с азов учить надо, а он уже старый?

Януш осмотрительно промолчал.

— Он за один день освоился. У него занятия спортивной гимнастикой за спиной, — с жаром заступилась Тоня. Ей очень хотелось свой собственный номер.

— Вот именно что «за спиной»... — Иваныч подошел к Янушу и так же, как вчера Тоня, начал осматривать его, щупать спину, руки, сгибать, разгибать их в локтях.

Смирившись с ролью подопытного кролика, Януш чувствовал на себе цепкие пальцы Иваныча и ежился, когда тот слишком грубо хватал его.

— Ладно, — пробормотал Иваныч. — Попробуй выход в плечи.

— С фуса? — проявил свою осведомленность Януш.

— Рано еще с фуса. Тонька сама на тебя вскарабкается.

Вспомнив рисунок в учебнике, Януш присел, взяв за руки Тоню. Она, наступив ему одной ногой на бедро, тут же поставила вторую на его плечо и, когда он выпрямился, уже стояла на его плечах двумя ногами. Он встал в полный рост, чуть расставив ноги для устойчивости.

— Шею не тяни вперед, поддерживай Тоню затылком и руками за икры, — Иваныч до упора натянул лонжу. — Спину держи!

Дальше на Януша посыпались тычки и шлепки по тем местам, которые нужно было втянуть или, наоборот, выпятить.

Януш с трудом сдерживался, чтобы не дать сдачи. Тоня намяла ему плечи своими миниатюрными ступнями, натерла уши докрасна, и он уже несколько раз пожалел, что ввязался в это дело.

— Ты устала, — наконец заметил Иваныч. — У тебя еще вечером выступление. Завтра продолжим.

— Она устала, — пробормотал Януш, потирая шею.

— Думаю, не стоит расплытаться, а надо сразу разучивать элементы, которые войдут в номер, — решила Тоня, набрасывая халатик.

Иваныч кивнул, оставаясь хмурым, но Янушу показалось, что предположения Славки не оправдались — разоблачение отменяется. Наоборот, процесс тренировок стал вроде бы налаживаться.

Тоня уже пошла из зала, когда вдруг остановилась и обернулась:

— Можешь у меня в гримерке переодеться, — предложила она и добавила с улыбкой: — Партнер.

И пошла, больше не обращая на него внимания. Януш заспешил следом, словно загипнотизированный ее волосами, собранными в короткий хвостик, который, как маятник, при ходьбе летал вправо-влево, вправо-влево...

— Номер я уже продумала, — сказала она вдруг на ходу. Януш даже не сразу понял, что Тоня обращается к нему. — Последовательность комбинаций. Проблема в том, что ты не скоро сможешь почувствовать уверенность в бросках и ловле, да и темп будет страдать. Придется больше упор делать на пластику и силу. Вот уже чего у тебя в избытке — так это силы. Я вся в синяках.

Они зашли в ту самую гримерную, где Януш увидел Тоню в первый раз. Девушка плюхнулась на низкую тахту, покрытую ковром — черным с желтыми узорами. Тоня мечтательно закинула руки за голову, вздернув острый подбородок.

— Классный номер получится. Только без подкруток не обойдется. А ближе к финалу тебе надо будет на вытянутой руке удерживать меня, а я буду стоять одной ногой на твоей ладони.

— Да запросто. Хоть сейчас, — завелся Януш, который минуту назад собирался признаться ей, что он не цирковой артист. — Иди сюда. — Он протянул ей руку и прикинул расстояние до потолка. Здание цирка было старинное, и толки располагались высоко.

— Да ну тебя! Без лонжи...

Он схватил ее за руку и поставил рядом.

— Как тебя наверх вытолкнуть?

— Надо на твою кисть руки и на мою стопу петли накинуть. А потом ты должен встать на колени и взять меня за голень... И вот тут, чуть выше подъема, встать и вытолкнуть меня вверх на свою прямую руку. Ой! — вскрикнула она, взлетев к потолку. — Не вцепляйся так, ногу сломаешь, сумасшедший!

Януш в большом напряжении балансировал вместе с ее фигуркой. Вдруг чуть подкинул ее, крутанув за стопу так, что она повернулась в воздухе лицом к нему и полетела вниз. Он поймал ее за несколько сантиметров от пола. Тонино лицо оказалось напротив его лица. Он буквально впился в ее губы, крепко прижав к себе всем телом. Она была так стиснута, что словно бы и дышать перестала. Януш откинул голову.

— С ума сошел? — холодно поинтересовалась она. Януш с испугом подумал, что ей неприятно и даже противно. — Разве можно так отпускать?! Меня чуть инфаркт не хватил. Такая скорость падения, я подумала, что пол пробью. Такое рвение бы на репетициях показывал. Да отцепись ты, — она хлопнула его по рукам. — Ребра переломашь.

Он ослабил хватку, но Тоня не вырывалась, смотрела на него с любопытством.

Януш умом понимал, что не стоит это говорить, но выдал, глядя на макушку Тони:

— Дурочка, я люблю тебя. Вот и все...

Она рассмеялась, запрокинув голову, и повторила:

— Вот и все? Мы знакомы два дня, даже меньше, несколько часов. Ты ничего не знаешь обо мне, я — о тебе. Даже твою фамилию.

— Это так важно? — он дернул плечом. — Меня зовут Скальба Януш Матеушевич. Мне тридцать шесть лет. И я еще никому не говорил то, что сказал только что тебе.

— Пусти, Януш...

От того, как она произнесла его имя, у него озноб прошел по телу. Он продолжал держать ее.

— Ты Стаса любишь?

— Вот глупость! — Тоня толкнула его в грудь и вернулась на тахту. — Кто тебе это сказал? Чуть, вздор и вообще не твое дело! — Она не могла долго сидеть спокойно и уже подошла к столику с маленькой электрической плиткой. — Хочешь есть?

— Тут разве можно готовить? — Януш хмурился, не в силах сразу переключиться с предыдущего разговора на банальный — о еде.

— Не будь занудой! Все готовят. Иди мойся, я пока приготовлю.

Душ Януш нашел в конце коридора и второй раз за эти дни вспомнил училище. Мужское отделение было без отдельных кабинок. Януша еще в училище бесило это. Не то чтобы он отличался стеснительностью, но ему казалось, что таким образом курсантов как бы обезличивают, унижают, чтобы чувствовали себя одним из толпы, заменяемым и никому по большому счету не нужным. Он всегда ощущал себя очень одиноким в толпе таких же, как он, обнаженных, обритых, что в бане, что в душевой, что в казарме. Когда уже стал офицером, он избегал общежитий, снимал комнату, не ходил в баню за компанию и в командировках старался обеспечить себе хоть закоулок, но отдельный.

Сейчас в цирковом душе мылся пузатый невысокий мужичок с загаром на плечах и белым незагорелым телом по контуру майки. Он мельком взглянул на атлетическую фигуру Януша и повернулся к нему спиной. Януш торопливо помылся и вернулся в гримерную.

Там пахло жареной колбасой и яичницей. Тоня переделалась в длинную юбку и клетчатую рубашку. Они присели к узкому столику и молча

стали есть. Она поглядывала на него то и дело, но он упорно смотрел в пластиковую одноразовую тарелку.

— Что-то ты вдруг оробел, — помедлив, заметила она. — Ты упоминал, что у тебя номер с метанием ножей был. Где выступал? Почему номер бросил?

— А можно я останусь, посмотрю новую программу? — попытался увернуться Януш от вопросов. — Славка говорил, что ты выступаешь в номере воздушной акробатики.

— Ты как маленький. Зачем тебе мое разрешение? — удивилась она. Вскочила из-за стола и начала причесываться перед зеркалом. Стянула волосы на затылке и стала краситься. Глаза, губы. Косметика была яркая — в серо-голубых тонах.

Януш увидел за коричневой ширмой голубой костюм, висевший на плечиках, — блестящий, облегающий, с бахромой на брючинах и рукавах.

— Ты в этом выступаешь?

Она глянула в отражение и кивнула.

Меньше всего он думал о костюмах и выступлениях. Смотрел на ее спину и хотел обнять. Януш не мог понять, почему ему так сложно просто подойти и обнять, особенно после недавнего поцелуя. Его удивило, что она не смутилась, не была польщена, да, в принципе, никак не отреагировала. Равнодушие или она умеет прятать эмоции?.. Актриса!

— Что ты надулся? — Тоня отвлекла его от мыслей о ее коварстве. — У тебя ресницы как у девчонки. А у меня почти нет. Приходится накладные клеить.

— Ты шутишь?

— У тебя действительно длинные ресницы. — Она засмеялась. — Найди Славку, он тебе покажет место в зале. А мне надо переодеться и размяться. Скоро дневное представление.

— Ты будешь ночевать здесь? — Януш кивнул на тахту.

Она обернулась и испытующе с чуть заметной полуулыбкой посмотрела на Януша. Тоня смотрела иронично и долго. Он невольно начал краснеть.

— Я просто так спросил, — поспешил он откеститься от ее подозрений в его низменных мыслях.

— В общаге шумно. Я с разрешения директора чаще здесь остаюсь. Тут стены толстые, старые — хорошо спится. Ведь редко так везет, что приезжает цирк в город, где есть родственники, у которых можно поселиться. Да и родственники не жаждут угловых жильцов. У тебя с этим как? Не гонят еще?

— Мать с отчимом? Нет, конечно.

— А у тебя здесь родители... — Она достала костюм из-за ширмы. — Слушай, а тут в городе есть что-нибудь интересное? Где тут развлечься?

— Вообще, рыбалка тут хорошая, — неожиданно для самого себя выдал Януш.

— Ты решил меня уморить? — Тоня вытерла слезы, выступившие от смеха. — Я имела в виду театры и музеи. Хотя рыбалка — это забавно. Ты машину водишь?

— Да, только ее у меня нет. — Он никак не мог привыкнуть к ее манере говорить, перескакивая с одного на другое. Она и двигалась почти все время — то в зеркало смотрелась, то докрашивалась, то рассматривала костюм на просвет, не прохудился ли.

— Машину достать можно. А еще палатку, мангал. Рыба здесь хорошая?.. — Януш кивнул. — Ну и котелок для уха. Дня два можно провести на природе, пока снег не выпал.

— Палатка и теплые спальные мешки? — подхватил Януш с удовольствием от предвкушения. — Или двуспальный большой мешок?

Она кивнула, кажется, думая уже о другом, не слушая его.

— Иди, иди, — Тоня подтолкнула его к двери. — Дай мне собраться с мыслями и с мышцами.

Славка будто поджидал за углом коридора, ведущего к манежу. В руке он держал тумбу, на которую сажают животных на манеже.

— Что, в артисты заделался? Подход к Иванычу нашел? — судя по озлобленности, он был на пороге капитального запоя.

Януш пребывал в смятении после сумбурного разговора с Тоней и не нашел ничего лучше, чем сказать:

— Не только к Иванычу, и к ней тоже. Мы с Тоней уже переспали.

Славкины голубые глаза, обычно добродушные, сузились, помутнели. Он шагнул к Янушу. Но, словно наткнувшись на невидимую преграду, отступил, опустил голову и спросил:

— Ты что-то хотел от меня?

— Тоня сказала, что ты покажешь место в зале, откуда можно будет посмотреть представление. — Януш удивился резкой перемене в настроении друга, но развивать тему о близости с Тоней не стал. Он сам испугался того, что ляпнул.

В пустом зале гасли и зажигались цветные прожектора. Осветители проверяли технику. Униформисты в форменных брюках, но в майках и футболках расстилали на манеже красный ковер и разглаживали складки. Славка был среди униформы, в сторону Януша и не смотрел.

Зашумели зрители в фойе, запахло жареной кукурузой, дети и родители устремились в зал, отыскивая свои места, хлопая откидными сиденьями. Вспышки фотоаппаратов в мобильных телефонах высвечивали довольные физиономии детей, с леденцами на палочках, с клоунскими носами на резинках на фоне еще пустого манежа. Но вот публика заняла места и артисты стали выходить на манеж. Грохотала музыка. В нескольких метрах от Януша, среди артистов, лицом к залу стояла Тоня. Она улыбалась, хлопала ладоши, костюм облегал ее стройную фигурку. Она смотрела в зал, но словно бы и никого не видела. Рядом стояли еще артисты в таких же, как у нее, голубых костюмах. Януш догадался, что это Филипповы, о которых Тоня говорила не слишком лицеприятные вещи.

Выступление Филипповых — воздушных акробатов — было в конце первого отделения. В номере, кроме Тони, выступали еще девушка, два юноши-подростка и трое мужчин. Когда Тоня пронеслась над манежем, перелетая из рук одного гимнаста в руки другого, Януш провожал ее взглядом, замороженный, и не узнавал. Она выглядела диковинной птицей в полете, в этом костюме, в бледно-голубом освещении, хотя он уже представлял, чего стоила эта легкость. Когда ее руки попадали в руки партнера, то разлеталось белое облачко магнетизма вокруг их сцепившихся рук...

Януш не досмотрел номер до конца, у него обрывалось сердце во время каждого полета Тони. Он выбрался из зала, благо куртка у него была с собой, вышел на улицу и сразу же купил сигареты в ларьке. Закурил и побрел домой, ежась от мелкого холодного дождя.

Тоня, выступая на манеже, показалась ему

не то чтобы чужой, но отрешенной, погружившейся в свое искусство.

Януш шел, то и дело пожимая плечами в недоумении, как он мог ввязаться в эту историю. За два дня он заморочил девчонке голову, а она, поглощенная своей работой, и не догадывается о его истинных намерениях. Впрочем, после поцелуя и признания...

Закашлявшись от сигаретного дыма, Януш с досадой выбросил сигарету. Он почувствовал себя плохо — сбилось дыхание, заныло в боку. Прислонился к забору, около которого остановился, и подумал, что курить все же надо бросать. Стукнул кулаком по забору так, что доска штакетника вывалилась.

Он злился на себя за глупую привязанность к этой легкомысленной циркачке. «Все, не пойду больше туда», — решил он и пошел к дому. Около подъезда снова остановился и потянулся за сигаретами. Уже достал сигарету, но раздраженно скомкал пачку и бросил ее в мусорную урну. Уши щипал морозный вечерний воздух. Окно квартиры на первом этаже зеленовато светилось. Это Сережка включил настольную лампу. Януш видел макушку брата, колдовавшего над диспозицией солдатиков на подоконнике.

Обычно Януш тосковал по дому, когда был на службе или в командировках. Ему часто снился этот зеленоватый свет в окне... Но сейчас ему не хотелось идти домой, не было желания ни с кем разговаривать. Время шло, а известий из отряда не поступало, и от этого становилось еще тревожнее...

Достав мобильный телефон, Януш покрутил его в руке и набрал номер своего зама Андрея Жучкова. Тот ответил, и его «слушаю» прозвучало рассеянно. Януш представил его за письменным столом, занятым составлением отчетов и планов, сейчас вся работа Януша свалилась на Жучкова — есть отчего быть озабоченным. Но Януш уловил в тоне друга и недовольство, поэтому нарочито веселым голосом спросил:

— Ну, как там дела, Андрюха? Закопался в бумагах, не звонишь.

— Никаких новостей, Ян. Если б были, я бы позвонил, ты же знаешь. Командир передо мной не отчитывается. Молчит. Даже банальных слухов нет. Солдат в госпитале. Так и пара-

лизован... Но это, может, и хорошо, что тихо. Глядишь, пересидим, не высовываясь. А?

Януш молчал в трубку.

— Как твой отпуск? — начал было Андрей и, спохватившись, выпалил: — Да не бери ты в голову! Кто посмеет?! Если таких офицеров, как ты, выгонять, кто служить будет?

— Формально я виноват, — уныло констатировал Януш. — Ничего не попишешь. Ладно. Позвони, если новости будут.

Он почувствовал, что кто-то трется о его ноги. Глаза Муськи в сумерках поблескивали. Януш взял кошку под брюхо и пошел домой.

Под горячую руку попал Сережка, который все еще играл в солдатиков. Януш бросил Муську на тахту, туда же кинул куртку и свитер.

— Ты уроки сделал? — Он вспомнил, что старший брат имеет право, сделал строгое лицо, задавать такие провокационные вопросы.

Сережка пренебрежительно отмахнулся.

— Так, я не понял! — повысил голос Януш. Подошел к брату и, взяв его повыше локтя, оттянул от окна и усадил за письменный стол.

— Быстро, достал учебники и стал делать уроки.

— Что ты пристал? — опустив голову, обиженно пробормотал Сережка.

— Поговори у меня! — Януш легонько хлопнул его ладонью между лопаток.

Сережка начал хныкать.

— Что ты к ребенку пристал? — вмешалась мать, заглянув в комнату. — Ходишь где-то целыми днями, потом на брате срываешься. Лучше бы по дому что-нибудь сделал. Хоть бы полы помыл, что ли.

Януш пошел в коридор, покорно снял ведро со шкафа и тряпку. Вдруг почувствовал, что мать обняла его сзади.

— Прости, сыночек. Забыла, что ты после ранения. Совсем из ума выжила. Иди отдыхай, я сама.

— Да брось, мам. Я нормально себя чувствую.

— Ванечка, — мать иногда так называла его.

— У тебя неприятности? Я же вижу, ты сам не свой.

— Ничего серьезного, — улыбнулся он. Уже от ее участливого вопроса он почувствовал, как невидимый груз спадает с плеч. Но от неожиданной легкости слегка увлажнились глаза, благо в коридоре было почти совсем темно, только

слабый свет настольной лампы проникал из комнаты, где Сережка, вздыхая, шурушал страницами учебника.

Материнской нежности хватило до утра и то с перерывом на сон.

— Ты что же, паразит, делаешь?! — этими жизнеутверждающими словами мать приветствовала Януша утром, когда, собираясь на работу, вышла в коридор.

Она обнаружила кавардак — извлеченные с антресолей старые картонные коробки, фанерный, еще бабушкин, чемодан, рюкзак...

— Где мой спальник?

— Какой спальник? — мать подобрала с пола стопку журналов и огрела Януша по согбенной спине. Он, сидя на корточках, отцеплял от пальца рыболовный крючок. — Весь дом перевернул!

— Да уберу я! — рассердился он. — Где спальный мешок? Дома ничего оставить нельзя. Я завтра на рыбалку собирался. Я в прошлом году привозил свой старый армейский спальник.

— С ума сошел? В такой-то холод на рыбалку, после ранения? И думать забудь! Я тебя не пушу.

— Мам, ты меня с Сережкой перепутала. Ему запрещай. Кстати, о Сережке... — Януш устремился в комнату с догадкой на лице.

Брат, натянув одеяло на нос, делал вид, что еще спит, но разговор о спальном мешке явно слышал. Янушу было достаточно заглянуть за шкаф, чтобы найти то, что искал — чуть пыльный спальный мешок.

— Куркуль ты, Сережка! — покачал головой Януш.

Он сунул спальный мешок в большой пакет, туда же положил рыболовные снасти и две складные удочки. Оставив этот пакет в коридоре, Януш вышел на пробежку. Два часа он выматывал себя бегом и упражнениями. Но в итоге его решительности не ходить больше в цирк хватило ровно до времени репетиции, на которую Януш не опоздал.

Все пошло по новой. Разминка, повторение «пройденного», раздражающие Януша окрики Иваныча: «Используй ноги, не работай только руками... Глазами за партнершей следи, не верти башкой, остолоп!.. Плечи не напрягай. Голову так сильно не поднимай, иначе в пояснице прогибаешься. Надо спину ровно держать».

Януш сопел от напряжения и злости, что его, офицера-разведчика, отчитывают как мальчишку и что он вообще занимается непонятно чем. Не сразу Януш заметил настороженные взгляды Тони и ее непривычную молчаливость.

После репетиции он поплелся за ней, хотя она его не звала с собой. Тоня резко остановилась в коридоре около двери в гримерную так, что Януш наткнулся на нее.

— Ты почему вчера сбежал? — она смотрела на него так, словно видела впервые.

— Что-то вчера намечалось?

— Так все ведь уже было. Что ты на меня уставился? Только не говори, что ты ни сном ни духом.

Януш опустил глаза, чувствуя, как наливаются кровью шея. Мысленно он уже стремился к Славке. «Вот ведь урод, — подумал он. — Не постеснялся передать девчонке наш вчерашний мужской треп».

— А я спальный мешок нашел и удочки... — робко исподлобья взглянул он на нее.

— Ты думаешь, после всего, что между нами было, — Тоня взглянула на него многозначительно, — это прилично? Кстати, можно взять служебную «газель». Дядя Женя разрешил назавтра. Завтра и послезавтра нет представлений.

— Тогда с утра пораньше? Часиков в пять? — еще более робко спросил Януш, внутренне ликуя.

— Можно. Сегодня тоже нет представлений. Понедельник. Но на ночь глядя ехать неохота. Только имей в виду, я еду на рыбалку...

Они долго смотрели друг другу в глаза. Кто кого переглядит. Первой засмеялась Тоня.

— Все-таки у тебя слишком длинные ресницы, — невпопад сказала она. — Завтра с утра приходи, — Тоня забежала в гримерку и вышла оттуда с ключами в руках. — Вот. От машины. Дядя Женя сказал, что только заправить придется нам самим и канистру в багажнике он советовал наполнить, потому что спать лучше в машине, а не в палатке, на земле.

«Тем более палатки нет», — с облегчением подумал Януш, мысленно благодаря незнакомого дядю Женю.

Выйдя из цирка, он увидел «газель», о которой говорила Тоня, белую с ржавчиной на боках и рекламой цирка. Януш удовлетворенно

хлопнул машину по борту и поспешил в спортивный магазин купить котелок. С неохотой он все же приобрел и второй спальный мешок, два складных стульчика и наживку для завтрашней рыбалки.

Януш вернулся с покупками к цирку, чтобы положить их в машину, и столкнулся у служебного входа со Славкой. Тот курил в стороне от двери, отвернувшись от входивших и выходивших. Даже по сгорбленной спине чувствовалось, что он подавлен. «Ага, боится, — удовлетворенно подумал Януш, но подходить к другу не стал. — В конце концов, может, он мне услугу сделал. Тоня ведь не отказалась ехать на рыбалку. Ее не отпугнули Славкины сплетни».

* * *

Сонная Тоня куталась в огромный зеленый шарф, в который ее, кажется, можно было замотать целиком. Януш впервые видел ее в обычной одежде, а не в трико. В куртке и джинсах она выглядела совсем девочкой и капризничала как подросток.

— Зачем я согласилась? В такую рань! Лучше бы выспалась. День репетиций пропустим, а для тебя каждый день важен. На вот, дядя Женя забыл вчера документы на машину передать. Да открывай же быстрее! Я замерзла.

Януш отмалчивался, чтобы не вызвать еще большее раздражение.

Наохлившись, она дремала на сиденье рядом с водительским. Януша даже слегка напугало и рассердило ее безоглядное доверие к нему.

«Или это равнодушие? — гадал он, вырывая от цирка на дорогу. — Ей все равно, куда и с кем ехать? Легкомысленная? Распущенная?»

Повеселела Тоня, только когда Януш на бензоколонке купил ей кофе в пластиковом стаканчике. Заправив бензобак под завязку и канистру, в магазинчике он купил кое-что из еды.

— Вот это я понимаю, — потягивая кофе, улыбнулась Тоня. В машине было жарко, она скинула мягкие сапожки без каблуков и закинула ноги в белых носках на панель над «бардачком».

Януш видел боковым зрением, что Тоня на него то и дело смотрит, изучает.

— Что ты так смотришь? — покосился он на нее.

— Да так, думаю, о чем нам говорить? Кажется, у нас не слишком много общих тем.

— Ты о чем?

— Да так, — повторила она. Сняла вязаную шапочку и накинула ее на пальцы ног. Незаколоченные волосы рассыпались по плечам, слегка топорщась, наэлектризованные.

— Расскажи что-нибудь, — предложил Януш.

— Мы же не неандертальцы. Двум, я надеюсь, неглупым людям всегда есть о чем поговорить.

— Наверное, — хмыкнула Тоня, по-кошачьи прищурился все еще сонные глаза. Януш успевал поглядывать и на дорогу, и на нее.

— Никогда не ловила рыбу, — призналась она.

— По-моему, глупое занятие.

— Ты меня сейчас провоцируешь или всерьез? Тогда зачем поехала?

— После того, что между нами было? — изумилась она картинно. — Странный вопрос.

— Значит, ты не против продолжения? — разозлился Януш, попытавшись ее задеть, и тут же внутренне обмер, опасаясь, что перегнул палку — Тоня сейчас потребует остановиться, выйдет, и на этом все закончится.

Она засмеялась.

— Мечтать не вредно! А ты знаешь то место, куда мы едем? Ты там бывал?

— Года два назад с друзьями. Но в нашем городке и его окрестностях ничего не меняется. Мне иногда даже кажется, что и атомный взрыв не расшевелит этот город. Не сразу поймешь, то ли тут дореволюционная атмосфера, то ли советская.

— Ты здесь родился?

Януш кивнул.

— А я в Токсово родилась, это под Питером. Здесь, наверное, летом хорошо. А для детей раздолье.

— Да уж, — усмехнулся он. — Чего мы только не вытворяли со Славкой! И с моста на спор прыгали, и на трамвае, сзади прицепившись, катались...

— У вас здесь трамвай есть?

— Конечно, — удивился Януш. — Он, кстати, недалеко от цирка ездит. Неужели не видела? Ну, ты даешь!

— Ничего, кроме цирка, я не вижу, — отмах-

нулась она. — Как одержимая... А ты такой шпанистый был? Хотя есть в тебе и сейчас что-то озорное. Наверное, твоим родителям доставалось от тебя.

— Это мне доставалось, — обиженно возразил Януш, сворачивая с шоссе на проселочную дорогу. — Отчим меня полировал, будь здоров.

— Отчим? — сочувственно переспросила Тоня.

— Номинально отчим. Он, конечно, мужик с чудинкой, но добрый. Если бы у меня был такой сын, каким я был в детстве, я бы его вовсе прибил.

— Ну уж, какой ты жесткий!

— Жизнь заставляет быть таким... Приехали, — сказал он нарочито бодро и остановил машину у заросшего камышом берега. Тоня натянула капюшон и выпрыгнула из «газели». Потянулась и что-то сказала. Януш доставал вещи из фургона и не расслышал.

— Что? — переспросил он.

— Хорошо, говорю. Зимой только пахнет. Рыба, наверное, на теплые квартиры переехала, — засмеялась она. — Спит себе где-нибудь под корягой.

— Ничего, выманит, — с рыбацким азартом Януш разматывал леску и раздвигал телескопическое удилище. — Держи, только сама на крючок не попадись.

Януш помог ей закинуть удочку и усадил Тонию на складной стульчик. Расстегнул спальник и накиннул его, как одеяло, ей на плечи.

— Ловись рыбка большая и маленькая, — весело сказала Тоня.

Земля под ногами была мягкая, пропитанная влагой. Река, стальная, с желтизной у берегов, разлилась здесь, на изгибе, особенно заметно, почти до сосен, растущих у дороги. И камыши сильно разрослись по сравнению с тем временем, когда Януш был здесь последний раз.

День только начинался, но света не прибывало. Висели над заречным хвойным лесом низкие серые тучи, обещавшие затяжной, монотонный дождь, поэтому Януш поспешил разжечь костер. Небольшую вязанку березовых поленьев в красной сетке он купил в магазине на бензозаправке. Предусмотрительно купил и пятилитровую пластиковую бутылку воды. Налил ее в котелок и повесил над костром.

Глядя на огонь, он усмехнулся, подумав, что

мог не тратить деньги. Курс выживания, пройденный им на службе, позволял ему устраивать для себя довольно комфортные условия в любой ситуации, без дополнительных приспособлений.

Януш обернулся. Поплавок Тониной удочки уже не дергался, а совсем утонул, утащенный крупной рыбой. Тоня просто-напросто уснула.

Он не стал ее будить, взял из Тониных рук удилице и подсек рыбу. Это была крупная серебристая особь, но Януш не успел ее рассмотреть, потому что боковым зрением заметил приближающихся по берегу трех полицейских, во всяком случае если судить по форме.

В первую секунду он с замиранием подумал, что его идут арестовывать. Но здравый смысл быстро возобладал. Никто не знает, куда он поехал на рыбалку.

С милицией Януш много контактировал в Чечне. Сейчас ему стоило мимолетно взглянуть на приближавшуюся компанию, чтобы понять, что это ряженые. Испуга не было. Он даже улыбнулся. Если бы парни видели его улыбку, они бы, наверное, подумали, подходить им или лучше уносить ноги подобиру-поздорову.

— Тоня, — позвал он. Увидев, что она вздрогнула и проснулась, Януш сказал спокойным голосом: — Сядь, пожалуйста, в машину и закройся изнутри.

— Ты что? — Она покрутила головой и увидела подходившую тройцу. — Кто это?

— Делай, как я говорю. И побыстрее.

Он поворошил дрова в костре и, дождавшись, когда Тоня скрылась в машине, встал и пошел навстречу этим трем.

— Здорово, служивые! — весело приветствовал он их, наблюдая за их реакцией.

Двое слегка подрастерялись. Совсем молодые, им едва исполнилось лет по двадцать. А вот стоявший перед ними «вожак» лет двадцати пяти не дрогнул. Лицо смазливое, циничное, с черными прищуренными глазами.

— Ваши документы, — сипло потребовал он.

— Без проблем, — согласился Януш и полез в карман, но приостановился. — Только сначала покажите ваши.

— Чего «ваши»? — циничный «вожак» тоже слегка дрогнул, но пока он думал, что на их стороне численный перевес силы.

— Документы, — вежливо уточнил Януш.

Они переглянулись. Форму они где-то раздобыли, а вот удостоверениями явно не обладались.

— Вы что, не видите, кто перед вами стоит? — попытался взять нахрапистостью «вожак».

— Не-а, — забавлялся Януш, как кот с мышами. При этом он не переставал контролировать ситуацию и сразу заметил движение руки парня, стоявшего чуть сзади своих подельников.

«Ого, — мелькнуло у Януша в голове, — этого я недооценил».

Дальше псевдополицейские вряд ли успели понять, что произошло. Януш легко и четко сделал несколько сдержанных, но давно отработанных движений, в результате которых парни оказались на земле, без сознания.

У одного из них в кармане Януш нашел каскет, у другого — травматический пистолет, именно за ним парень полез в карман, когда Януш стремительно напал. И, конечно, он не обнаружил никаких документов.

— Ты их убил? — раздался робкий, испуганный голос Тони за его спиной.

— Я же велел — сидеть в машине! — рявкнул Януш.

— Не понимаю... — замотала головой взволнованная Тоня. — Это же милиционеры.

— Они такие же милиционеры, как я балерина, — отрезал Януш.

— Тогда надо настоящих вызвать, — рассудила она, опасливо и брезгливо поглядывая на обездвиженных несостоявшихся налетчиков.

— Еще чего! Поехали домой. Давай быстрее, — скомандовал Януш и твердым шагом направился к машине.

В машине ехали молча. Януш думал, что неплохо было бы сдать этих паразитов властям, но тогда пришлось бы показывать свое удостоверение перед Тоней, да и как-нибудь могло стать известно об этом инциденте на службе. Тогда рассчитывать на благоприятный исход дела вообще не придется. Скажут, что с психикой у майора Скальбы не все в порядке. Дерется везде. Покалечил солдат и троих парней. Еще чего доброго дело пришьют за превышение необходимой самообороны.

— Съездили, отдохнули... — разочарованно произнесла наконец Тоня.

— Зато рыбе повезло. Пойманную и ту отпустили, — вздохнул Януш.

— Думаю, ты не о той рыбе переживаешь. Другая рыбка с крючка сорвалась?

— А может, рыбка сама об этом жалеет? — огрызнулся он.

— Отвези меня в цирк, — металлическим голосом потребовала Тоня.

— У нас и так цирк... Сейчас, только вещи закину домой. Не тащить же мне их на горбу. Или ты возражаешь?

Она промолчала.

«Буду я еще с ней связываться, — злился Януш. — Скачу вокруг нее как клоун. Акробатикой на старости лет занялся. Еще не хватало что-нибудь себе сломать. Влюбился как мальчишка. — Он покосился на нее, увидел только ее затылок в белой вязаной шапочке — Тоня обиженно отвернулась. Первое желание у него было шутливо хлопнуть ее по шапке и тут же поцеловать в макушку. Но он этого не сделал.

Благо квартира на первом этаже — Януш быстро закинул вещи, оставив их прямо в коридоре. Затем он отвез Тоню и без лишних разговоров отдал ей ключи и документы на машину. Расстались без слов, даже не попрощались.

Вернувшись домой, он во весь рост растянулся в коридоре, споткнувшись об оставленные второпях вещи. На шум выскочил Сережка и захихикал.

— Я тебе похихикаю, — погрозил Януш, поднимаясь. — Сгинь!

Он убрал вещи и сел в кухне, облокотившись о стол, и с тоской уставился в стену над газовой плитой. Если бы он был в общаге, то напился бы, но дома он не хотел. Сережка и так частенько видит пьяным отца, чтобы еще и брат...

Януш сидел в тяжелых раздумьях, потирая кулак, который слегка саднило после удара о физиономию предводителя ряженных полицейских. На улице стемнело, зашелестел о жестяной подоконник снаружи снег, первый и сразу сухой. Он наверняка не растает сразу же. На рыбалке было бы не слишком здорово под снегопадом. Хотя в прогретой машине, в спальнях мешках или еще лучше в одном... Януш вздохнул.

Его мечтания вспугнул внезапно включенный в кухне свет — вернулся с работы отчим. Он потер ладони. Лицо его была красное, посеченное снегом и ветром.

— Ты чего-то рано вернулся, — с недоумением глянул он на Януша. — Может, под рыбку? — Он показал горлышко бутылки, приподняв ее из кармана.

Януш не говорил, что поедет на рыбалку не один, а теперь не собирался объяснять, что вместо рыбы поймал трех псевдополицейских и ссору с Тоней.

— Иди ты со своей водкой! — нахмурился он.

Отчим спрятал бутылку и сочно врезал Янушу по затылку. Сережка, наблюдавший эту сцену из коридора, опять злорадно хихикнул.

— Подслушиваешь? — обернулся отец к Сережке. — Я твой дневник что-то давно не смотрел. Тогда вместе посмеемся.

Удаляющийся по коридору голос Сережки испуганно пообещал:

— Мама придет, я ей скажу, что ты водку принес.

Януш, понурившись, молчал, огрызаться больше не пытался. При всех недостатках отчима, тот его воспитывал с детства, считал родным, кормил, одевал, обувал, приезжал в училище со снедью, и полкурса объедалось домашними соленьями и пирожками.

— Ты что-то того... — смячая свой поступок, пробормотал отчим примирительно. — Напрасно так...

— Извини. Настроение плохое. Рыбалка сорвалась и вообще...

— Ладно, ладно. — Отчим спрятал бутылку за консервными банками в холодный шкаф под окном.

— Пойду разберусь с Павликом Морозовым.

«Разборка» кончилась криками и Сережкиным ревом.

Когда мать вернулась, мальчик уже успокоился и прилежно делал уроки. Януш лежал на тахте, повернувшись носом к стене. Отчим сидел в кухне, уставившись в телевизор.

Всю ночь шел снег, его тени двигались по стене, подсвеченные уличным фонарем. Несмотря на то что встал рано, Януш долго не мог заснуть. Ползущие по стене тени напоминали капли воды. Окно в канцелярии группы перед

отъездом Януша вот так же заливало, только настоящим дождем. Билеты на поезд домой он смог взять лишь на следующий вечер. Весь день старался не попадаться командиру на глаза, ведь тот велел отправляться в отпуск, подальше от начальства.

Настроение было унылое, бойцы разведгруппы слонялись по казарме притихшие. Януш хотел было наорать на драчунов, но промолчал, только тяжело вздохнул, посмотрев на них, когда вернулся ночью от командира. Рано утром он съездил за билетом на вокзал, а вернувшись, на КПП был остановлен дежурным.

— Товарищ майор, вас тут отец дожидается, — дежурный кивнул на стекло, отгораживающее комнату для свиданий от проходной.

Янушу было достаточно взгляда, чтобы понять, что за стеклом сидит на диванчике не отец. «Не отец, — мысленно повторил Януш и поправился, — не отчим». Он настолько был расстроен событиями прошедшей ночи, что его не сильно взволновала мысль о приезде родного отца.

— Ты документы его видел?

— Конечно, товарищ майор. Я бы не пустил просто так, — дежурный заглянул в журнал регистрации. — Вот. Скальба Матеуш. Вы же Матеушевич.

Януш кивнул, хлопнул бойца по плечу и зашел в комнату, где обычно солдаты встречались с приехавшими их навестить родителями. Тут пахло гуталином и смесью одеколонов.

Отец поднялся, увидев Януша. Высокий, даже выше сына, темноволосый с сединой на висках, с крупными синими печальными глазами.

— Ты Януш? — спросил он, хотя им обоим и так все было ясно.

— Зачем вы приехали? И как, кстати, узнали, где меня найти?

— Я виделся с твоей матерью. Она сказала, где ты служишь. Ты в том возрасте, когда нет смысла тебя прятать от меня. — Он говорил с сильным польским акцентом.

Януш молчал, ожидая ответа на первый вопрос.

— Хотел тебя увидеть. Подумал — умру, так и не увижу.

— На жалость бьешь? — Януш насупился.

— Я уже не молод, — пожал плечами Матеуш.

— Но я не оправдываться приехал. Только взглянуть на тебя. Из меня был бы плохой отец и семьянин. Я так и не женился и детей больше нет. Я тоже военный, — он улыбнулся, — но уже в отставке, конечно. Чувствую, ты не хочешь быть таким, как я, но ты такой. Даже профессию такую же выбрал.

Януш смотрел на него и не испытывал особых эмоций — ни злости, ни заинтересованности. В детстве он много думал об этой встрече, отец ему представлялся не эгоистом, не малодушным подлецом, а личностью таинственной и, может, даже героической. Мать о нем почти ничего не рассказывала, и этот ореол запретной темы еще сильнее будоражил детское воображение. А теперь он видел перед собой немолодого красивого мужчину, который наверняка пользовался успехом у женщин и, скорее всего, ради вольной, разгульной и разнообразной жизни бросил не слишком красивую и не слишком образованную жену с маленьким ребенком, у которого в провинциальном городке Советского Союза перспективы вырисовывались не слишком уж радужные: или сопьется, или в тюрьму сядет. А он, поди ж ты, майором спецназа стал, разведчиком, государственные награды имеет.

— Да, гены не заменишь, — заговорил наконец Януш после паузы. — Да, честно говоря, все равно, чья во мне кровь. Хорошо, что не пьяница и не наркоман. Надеюсь, что подлость по наследству не передается. Всего хорошего.

С этими словами он вышел из комнаты.

Сейчас, глядя на тени на стене от падавшего снега, он вспомнил эту встречу, о которой матери так и не рассказал. Да и о чем говорить? Как встретились два похожих внешне, незнакомых и совершенно чужих друг другу человека и, не пожелав знакомиться ближе, едва обмолвившись парой фраз, разошлись ни с чем?

У него осталось тягостное впечатление от той встречи, и он не хотел делиться этим с матерью. Его беспокоило только то, что он в отношениях с женщинами тоже чаще всего был далек от порядочности и благородных порывов. Вот только детьми не обзавелся, потому и бросать некого. Может, это и спасло его от подлых поступков — невозможность их совершить? А вовсе не честность и порядочность, как ему хотелось думать...

* * *

Разбудил его телефонный звонок. Мобильный на письменном столе дребезжал и перемещался по кругу от вибровонка. Януш вскопчил с тахты, запутавшись в одеяле. Успел заметить время — начало первого. День в разгаре.

Он думал, что звонят все-таки со службы. Но определился телефон Славы, обозначенный в телефонной книге мобильного коротко и ясно: «Должник!»

— Чего тебе? — Януш взял трубку со стола и сделал шаг к окну.

Во дворе все было занесено снегом и редкие снежинки еще висели в воздухе.

— Ты почему на репетицию не пришел? Давай быстрее. Уже на двадцать минут опоздал. Иваныч ругается.

— Тебя корейнка подослала? — Януш рассматривал солдатиков на подоконнике. Один из них, металический, еще советский, явно когда-то принадлежал самому Янушу. Среди современных пластиковых зеленых и красных он выглядел совсем невзрачно, но в диспозиции Сережки он верховодил, судя по тому, что стоял в стороне и на возвышении, на спичечном коробке.

— Да какая она корейнка? — пробормотал Славка. — Ким — это псевдоним.

— А ее настоящая фамилия?

— Я не в курсе, но точно знаю, что это псевдоним. Так ты придешь?

— Вот еще!

— Наигрался с девчонкой? Я же тебе говорил...

Януш выключил телефон со злорадством. «Она, видите ли, захотела себе партнера, — думал он, глядя в окно. — Подайте первого попавшегося. Она даже не удосужилась узнать, кто я на самом деле».

Он снова глянул в окно. По узкой расчищенной дворником полоске тротуара к подъезду Януша довольно уверенно вышагивала Тоня в своих белых сапожках, белой шапочке, заматанная объемным зеленым шарфом.

— Елки-палки! — Януш бросился надевать штаны.

Тоня делегировала Славку звонить, а сама, не рассчитывая на его красноречие, отправилась к нерадивому партнеру.

Одевшись со скоростью первокурсника училища, он решил притвориться, что его нет дома. Но едва она позвонила в дверь, он тут же открыл.

— Пустишь? — она стряхнула снег с шапки.

— Проходи, раз пришла.

— Сама вежливость. — Тоня зашла, но не стала раздеваться. — Почему на репетицию не пришел?

— Не хочу.

Она смерила его долгим взглядом.

— Я думала, что нравлюсь тебе.

— То есть ты это замечаешь тогда, когда тебе что-то нужно? Удобная позиция, — съязвил Януш.

— Если ты... — начала было она строго, но сбавила тон: — Я знаю, кто ты на самом деле. Мне Славка сразу же сказал.

Януш обескураженно смотрел на нее.

— Ну, что ты молчишь?

— Пытаюсь понять, зачем ты тогда меня привлекла в качестве партнера, голову морочила Иванычу? Да и мне...

— Ты же тоже согласился! Откуда я знаю, может, ты решил профессию поменять.

Он покачал головой.

— У меня неприятности на службе. Хотел отвлечься. Да и тебя увидел, голова закружилась.

— Ты один? — Тоня глянула в сторону кухни. — Чаем не напоишь?

— Проходи. — Он взял у нее куртку и шапку. — Не разувайся, проходи.

Пока он ставил чайник, доставал «парадные» чашки из буфета, они молчали. словно бы, когда все разъяснилось, у них и вовсе пропали темы для разговора. Прервала молчание Тоня:

— Здесь ты и живешь?

— Я тут жил в детстве. А сейчас все больше в общаге или в казарме. Собственно, как и ты.

Они снова умолкли. Сосредоточенно пили чай.

— Мы ведь совершенно разные, — заметила Тоня, отставив чашку.

Он вздохнул и кивнул.

— Но меня к тебе как магнитом, — смущенным голосом признался он.

Теперь кивнула она.

— Меня, в общем-то, тоже, — она опустила голову. — Но это ничего не значит, — Тоня предос-

терегающе подняла руку, заметив его попытку встать. — Так что осталась без партнера.

— Славку возьми. Он толковый парень. Нас еще в школе удивлял своими кульбитами.

— Он же пьяница.

— Да брось! Ты его только помани, пообещай номер, он в лепешку расшибется. Просто сам по себе Славка неорганизованный — начинает суетиться, пытается создать собственный аттракцион, номер, а в итоге срывается от первых же неудач и начинает пить. Если его грамотно направить, то ему цены не будет.

— Не знаю, посмотрим. Это теперь только моя проблема. — Она встала, быстро пошла в коридор, оделась и ушла.

Януш вздрогнул от негромкого хлопка входной двери.

— А что я ждал? — вслух спросил он себя. — Что она кинется в мои объятия?

— Ты этого хотел? — раздался за его спиной насмешливый голос Тони. Она только дверью хлопнула, сделала вид, что ушла.

— И этого тоже. — Он шагнул к ней и прижал к себе. Дурачась, натянул ей шапку на глаза. Она засмеялась и глухо, из-под шапки, сообщила:

— Я сейчас задохнусь, балбес.

Они долго целовались в коридоре. Януш видел совсем близко ее полузакрытые глаза, чувствовал, что от нее пахнет снегом, вернее от ее намокшей вязаной шапки, розовые щеки все еще хранили прохладу зимнего ветра.

Януш стал подталкивать ее в сторону комнаты, когда в дверь позвонили.

— Зараза! Это Сережка, наверное.

— Кто?

— Младший брат... Иди на кухню. Изобразим чаепитие. Он сейчас своим ключом открывает.

Но Сережка стал колотить в дверь ногой.

— Ян, открой! Я ключи потерял.

Януш отпер дверь, и Сережка повалился к нему в руки, так как лупил в дверь пяткой, повернувшись к двери спиной.

— Получишь сейчас! — пригрозил Януш. — Дверь чуть не выломал. Куда ключи задевал? Мать тебе задаст, если потерял.

— Кто там у тебя? — вытянул шею Сережка, пытаясь заглянуть за брата.

— Мои руки и марш к себе в комнату.

— Я есть хочу, — заканючил он.

Тоня выглянула из кухни.

— Януш, я, наверное, пойду. Привет! — поздоровалась она с Сережкой.

— Здравствуйте, — он заинтересованно рассматривал девушку. — А вы кто?

— Не твоего ума дело! — осадил его Януш. — Я с тобой, — эти слова предназначались Тоне.

До цирка они дошли быстро, не тратя время на разговоры. Промчались по коридору и заперлись в гримерке.

* * *

Следующую неделю они репетировали, гуляя по заснеженному городу, то и дело забираясь в гримерку.

Януш отключил мобильный телефон. Теперь ему и не хотелось, чтобы позвонили со службы. Засыпая по вечерам дома, он видел манеж, в голове крутились снова акробатические термины, перед глазами мелькали ноги и руки Тони, словно она многоножка. Только теперь эти руки и ноги были особенные, родные. Правда, во время репетиций об этом забывалось, особенно когда Тоня попадала ему пяткой по уху.

В репетициях не было ничего романтического, только напряжение, боль и раздражение на собственную неловкость. Но определенная группа мышц постепенно окрепла и пришло понимание механизма трюков.

Януш с фуса подкидывал Тоню и ловил ее на прямые руки в положении «ласточка», затем снова подкидывал, подкрутив, и ловил так, что она оказывалась на его руках, стоя на коленях. После еще нескольких поз, переступаний с одной его руки на другую она спускалась на манеж и начиналась вторая комбинация. Снова с фуса Тоня выходила вверх на одну прямую руку нижнего в положении «арабеск». Продолжая стоять на его ладони, она делала шпагат, после чего, сгибая руку в локте, Януш опускался на колено, ставил Тоню к себе на бедро, и она соскакивала на манеж. До третьей, заключительной, комбинации они так и не добрались. Януш лишь знал, что там ему предстоит выполнять сложные поддержки и

броски партнерши. Она должна была буквально летать в воздухе в положении шпагата.

Чем яснее вырисовывался номер, тем сильнее замирало сердце Януша при мысли, что все это придется бросить, если его вызовут в отряд. «А может, взять и решиться?» — думал он, глядя на покрасневшую после репетиции Тоню. Она стояла на манеже с белым полотенцем на шее, разговаривала с дрессировщицей собак и смеялась, лукаво поглядывая в его сторону. Януш тоже рассмеялся, представив реакцию сослуживцев и бойцов, когда они узнают, что разведку он променял на цирк. Тоня удивленно взглянула на него.

После репетиции, уставшие, они опять спрятались в гримерке и пили чай. Януш принес из дома яблоки. Мать оборудовала в квартире небольшой подпол и хранила там овощи и яблоки, выращенные на небольшом участке за городом. Они урождались мелкие, желтые, с румяными красными боками и очень ароматные.

Януш резал их на мелкие ломтики и клал в чай себе и Тоне. Она смотрела на него поверх чашки задумчиво.

— Почему ты смеялся там, на манеже?

— Не помню. Когда? — он пожал плечами и, обжигаясь, стал пить чай. В дверь гримерки постучали.

— Януш! — позвал из-за двери Славка. — Мне на трубку твой брат позвонил. Ищут тебя.

Тоня отодвинула защелку на двери и впустила Славку. Он протянул мобильный Янушу.

— Ян, тут к тебе со службы приехали, — сообщил Сережка. — Что у тебя с мобильником? Почему он не работает?

— Не твоего ума дело. Кто конкретно приехал?

— Капитан Жучков, — раздался знакомый голос в трубке. — Командир, ты что, в подполье ушел? Где ты вообще? Мне тебя здесь ждать?

— Жди, сейчас буду, — сухо ответил Януш и посмотрел на Тоню виновато.

— Что-то дома? — встревожилась она.

— Ничего. Кое-какие дела.

Славка злорадно усмехнулся.

Пока шел к дому, Януш продумал слова решительного отказа. Но решительность иссякла, едва Жучков заговорил.

— Ты вообще телевизор смотришь? В Дагестане теракт. Наши уже там. Тебе дозвониться

уже четыре дня не можем. Дело с дракой замяли, да и командир посчитал, что если ты уедешь сейчас в командировку, о драке никто и не вспомнит. Собирайся. У меня и на тебя билет. Поезд через три часа. В часть успеем захватить за вещами и на самолет.

— Слушай, тут такое дело... — Януш прикрыл дверь кухни и замолчал. Как рассказать все Жучкову?.. Близкой дружбы с замом у него так и не возникло, да если бы и была. В двух словах не передашь всего, что с ним приключилось во время вынужденного отпуска.

Он потер лоб, прошелся в нерешительности от окна к холодильнику и обратно.

— Ну что? — поторопил Жучков. — Ты бы собирался, а то на поезд не успеем.

Януш кивнул и спросил:

— Ты небось голодный?

— Да, пожевал бы чего-нибудь.

Поставив сковороду с картошкой и мясом разогреваться, Януш пошел в комнату собираться. Сборы были короткие, ведь, уезжая из отряда, он с собой почти ничего не взял.

Брат опять сидел у окна с солдатами.

— Серега, я сейчас уезжаю. Матери скажи, что меня срочно вызвали.

— В командировку? — уточнил Сережка, который явно подслушивал.

— Вот только матери об этом не говори. Ты понял?

— Понял, понял, не маленький.

— Слушай, — Януш смущенно потер нос. — Готов пожертвовать любимому брату одного солдата? Этот металлический, кажется, был когда-то моим.

— Ну и что? — пошел в атаку Сережка.

— Тебе жалко? Я тебе, между прочим, на день рождения целую коробку солдат подарил.

— Он у меня командир, — но брат все же протянул солдата.

— Так я тоже командир, — улыбнулся Януш и чмокнул Сережку в затылок на прощание.

Когда они с Андреем вышли на улицу, Януш помялся, но все же решился.

— Знаешь, Андрюха, ты давай дуй на вокзал, а я забегу тут по делу и приду к поезду. Билет дай.

— Ты не дури — некогда. Поехали...

— Слушай, ты же не конвойным ко мне приставлен.

— Делай что хочешь. — Андрей достал из внутреннего кармана билет. — В конце концов, тебе самому перед командиром отдуваться, если на поезд опоздаешь.

Заходить в цирк Януш не стал, вызвонил Славку, чтобы тот вышел к служебному входу. Пока ждал его, написал записку и завернул в нее солдатика.

Славка вышел, окинул друга понимающим взглядом.

— Уезжаешь? Наигрался?

— Дурак ты, Славка! — вздохнул Януш. — Тоня хочет тебя нижним в номер взять. Я ей тебя рекомендовал. Обещал, что пить не будешь. А если будешь, — Януш показал ему кулак, — имей в виду.

— Я и сдачи дать могу.

— Рискни здоровьем, — нахмурился Януш. Славка не сдвинулся с места. — Ты можешь ей передать? — Он протянул другу записку. — Передашь?

— Да хорошо, хорошо! У тебя неприятности?

— На службу вызвали. Срочно. Вот и все. Ты ей записку после выступления отдай. Ладно?

Представление в цирке заканчивалось тогда, когда Януш уже час трясся в поезде. Андрей взял СВ, чтобы выспаться, и сразу же завалился на полку и засопел.

Облокотившись о столик, Януш смотрел в темное окно. Белыми искорками только мелькал снег, попадающий в слабый свет от ночника. «Сейчас она, наверное, разворачивает записку», — подумал он с волнением.

«Тоня, мне надо было срочно уехать. Ты знала, что так будет, и, надеюсь, не обидишься. Славку попросил, чтобы он тебе помог с номером. Оставляю тебе своего металлического заместителя. Я такой же солдатик, как и он, верный тебе. Вспомни об этом, прежде чем решишь обо мне забыть. Януш».

* * *

То, что она не забыла, Януш убедился, когда она появилась в палате, где он лежал после контузии. Шурша целлофановыми бахилами, она словно проскользила по линолеуму к его койке и накрыла Януша собой и бе-

лым медицинским халатом, который ей был не по размеру.

Раненые, но ходячие, лейтенант и рядовой — соседи по палате, деликатно похромали в коридор.

— Я надеюсь, теперь ты бросишь свою службу? — с надеждой прошептала она ему в плечо.

— Может, лучше ты с цирком завяжешь? — Януш скосил глаза на ее затылок. — Будешь вести домашнее хозяйство и ждать мужа со службы.

— Ага, — она подняла на него заплаканные глаза, — мечтать не вредно. — Тоня помолчала, разглядывая его отечное лицо, с чернотой под глазами и посеченное мелкими осколками. — Мужа? — переспросила она и с улыбкой покачала головой. — Как это случилось? — Тоня погладила его по щеке. — Или секрет?

— Да какой тут секрет! По глупости, если честно. — Януш повозился на койке. У него болела спина. — Была информация, что в одном жилом доме в Махачкале окопались боевики, готовят теракт. В квартире у них перевалочный пункт. Наше дело — проверить, прежде чем подгонять технику, эвакуировать население и штурмовать... Проверил... — Он усмехнулся. — Надел «гражданку», пошел в логово под предлогом, что ошибся адресом, ну, была там одна легенда... Не важно. Открыл мне дверь боевик, который числился в федеральном розыске. Я его сразу узнал, и он меня как-то вычислил. В общем, бросил мне под ноги гранату. Далеко я, как видишь, не убежал. Граната у него самодельная была, «хаттабка» — взрыватель у таких срабатывает почти мгновенно, нет спасительных пяти секунд. Вот и вся история. Я улетел на этаж ниже, пока без сознания лежал, наши начали штурмовать и газом меня слегка потравили. В общем, сам виноват, что прокололся в чем-то, раз боевик меня разоблачил. Хорошо, что никого из бойцов своих на разведку не послал, всегда легче самому, чем потом родителям объяснять... Перестань плакать. Ну что ты?

Она достала солдатика из сумки и поставила на тумбочку.

— Пусть теперь тебя охраняет. Имей в виду, он мне все будет докладывать, если начнешь от лечения увиливать.

— Кто тебе сказал, что я в госпитале?

— Славка. Он от Сережки узнал. А перед отъездом я к твоей маме ходила. От нее две сумки гостинцев тебе привезла.

— Поладили?

Тоня кивнула и погладила его по голове.

— Тебе очень плохо?

Януш хотел было ответить что-нибудь храбро-ироничное, но признал:

— Да, не слишком хорошо... Ты иди. Ребята в коридоре мерзнут. Деликатные. — Он поморщился, повернув голову к двери. У него болел весь позвоночник и тупо ныл затылок.

— Ладно, ухажу. Пойду вынашивать планы, как тебя забрать со службы.

— Мечтай, — с улыбкой разрешил он.

Тоня поцеловала его и быстро выбежала из палаты, едва не прищемив полу халата хлопнувшей дверью.

Он еще чувствовал ее горячий вздох на своих губах, когда в палату стали возвращаться соседи.

— Дим, помоги встать, — попросил Януш лейтенанта.

— Чего ты?

— В окно хочу глянуть.

Парк за окном был заснежен. Януш переставил солдатика с тумбочки на подоконник и

увидел Тоню на дорожке парка. Она стояла спиной к хирургическому корпусу и, похоже, плакала.

Металлический солдатик созерцал картину за окном застывшим героическим взором воина, готового в любой момент вступить в бой. Во взгляде Януша сквозила боль. Он стал солдатиком, который вырвался на время из состояния постоянной готовности рваться в бой и самоотверженно рисковать собой. Он поверил, что может жить по-другому, заставил поверить в это Тоню, а затем вернулся к тому, от чего бежал. «Все будет как раньше», — подумал он. Только одинокая фигурка плачущей девушки в большом заснеженном парке стояла перед глазами, даже когда Януш отвернулся от окна...

□

Ирина Владимировна ДЕГТЯРЕВА

родилась в Бразилии.

Окончила Литературный институт им. А.М. Горького.

Прозаик, публицист. Пишет для взрослых и детей.

Автор книг «Мы из СОБРа»; «ОМОН: на земле, на воде, в воздухе»;

«Повседневная жизнь российского спецназа»,

«Крест войны»; «Звезда Дениса Плетнева»; «Цветущий репейник».

Ее произведения переведены на китайский язык.

Лауреат премии «Щит и перо»,

третьей премии II Международного конкурса имени Сергея Михалкова

на лучшее художественное произведение для подростков.

Работала специальным корреспондентом, обозревателем в журналах

МВД. На данный момент — ведущий литературный редактор

журнала Министерства обороны «Воин России».

Член Союза писателей России.

Член Союза журналистов Москвы.

Живет в Москве.

